

Джидду Кришнамурти — один из наших великих современников, человек, готовившийся стать новым Мессией, Божественным воплощением на земле. Этому активно помогали лидеры Теософского общества Анни Безант и Чарлз Ледбиттер, воспитатели Джидду, оставшиеся его друзьями даже после отказа Кришнамурти принять уготованную ему роль. Мистический опыт слияния с образом Будды (1927 г.) убедил его в отсутствии того существа, которое люди называют Творцом Всемогущим и поклоняются ему в образах Будды, Кришны, Христа. С этого времени почитатели Кришнамурти во всем мире организуют его встречи и беседы с людьми в США, Голландии, Франции, Австралии и, конечно же, на родине Учителя — в Индии. Лекции и беседы тщательно записывались и издавались, в том числе и «Бомбейские беседы» (1959 — 1960 гг.) Изложение этих бесед передает самые главные моменты в повествовании Учителя об истинной Свободе, Любви, Медитации.

Джидду Кришнамурти
Бомбейские беседы

Беседа первая

СВОБОДА

Свобода имеет величайшее значение, но мы ограничиваем ее своей собственной предвзятостью. У нас есть разные умозаключения относительно свободы: что она такое и чем она должна быть. Но свободу нельзя себе представить. Свобода не приходит через деятельность интеллекта, через логическую цепь умозаключений. Она приходит загадочно и неожиданно, она рождается из своего собственного внутреннего состояния. Чтобы достичь свободы, нужен бдительный ум, глубокий и полный энергии, способный к непосредственному осознанию, без процесса постепенного накопления, без представления о цели, которая должна быть со временем достигнута.

Для большей части из нас ум является рабом традиций, обычаев, привычек, ежедневной работы. И без осознания природы его рабства мы не можем понять, что такое свобода. Сознательный ум делового человека становится рабом той работы, которую он выполняет. Мы принимаем это рабство как неизбежность и вертимся в колесе повседневного существования. Можем ли мы жить в этом мире оставаясь свободными, не будучи рабами, без постоянного бремени страха и разочарования, без горя и страдания? Ограниченность нашего ума, нашего мышления делает нас рабами и зона свободы человека становится все уже. Политика, религия, традиции, стремления, желания сужают зону свободы.

Без свободы нет любви, нет творчества, без свободы невозможно найти истину. Чтобы быть свободным, мы должны понимать самих себя, осознать движение своих мыслей и чувств, пути своего ума. Речь идет о понимании ума, и в этом понимании нет места ни осуждению, ни действию по заранее определенному образцу. Вы просто наблюдаете, а не оправдываете неизбежность рабской жизни. Важно именно наблюдать свой ум без осуждения; просто смотреть на него, следить за ним, осознавая тот факт, что ум является рабом и ничем более, потому что это осознание освобождает энергию, разрушающую рабство ума. Вы не можете осознать, если не ставите перед собой правильного вопроса, а правильный вопрос не имеет ответа, потому что на него не нужен ответ. Неправильные вопросы всегда имеют ответ. Осознающий ум живет, движется, полон энергии; только такой ум может понять, что есть истина. Неправильные вопросы и ответы приводят только к новым страданиям и несчастьям.

Свобода рождается из сознания того, что свобода абсолютно необходима. В тот момент, когда вы осознаете это, вы находитесь в состоянии восстания, вы восстаете против безобразного мира, против традиций, против руководства политического и религиозного. Восстание в рамках ума вскоре сходит на нет, но есть непрекращающееся восстание, которое начинается, когда вы осознаете, что свобода абсолютно необходима.

Мы никогда не путешествуем вглубь самих себя без всякой цели, без преднамеренного расчета извлечь что-то из этих глубин. А как только у вас появляется какая-то цель, вы становитесь рабом этой цели. Вы мысленно стремитесь к изменению, к самоусовершенствованию, которые представляют собой лишь проекцию внешнего узкого ума. Но если ваш ум начнет осознавать необходимость свободы, он развивает энергию, которая будет затем действовать без каких-либо заранее рассчитанных усилий с вашей стороны, направленных на освобождение от рабства.

Открыть индивидуальную свободу очень нелегко, потому что в настоящее время мы не имеем индивидуальности. Мы продукт нашего окружения, нашей культуры; мы продукт пищи, которую потребляем, нашего климата, наших обычаев, наших традиций. И даже когда вы

боретесь против этого окружения, ваша борьба не выходит за пределы этой обусловленности. Об индивидуальности можно говорить лишь тогда, когда ум осознает, как узка зона его свободы, когда ум неустанно борется с влиянием политики, с влиянием знаний и практических навыков, с влиянием вашего накапливающегося опыта, который является результатом вашей обусловленности, вашего окружения.

Это осознание того, что есть, обладает своей собственной волей, если возможно вообще использовать здесь слово «воля», не смешивая его с той волей, к которой мы привыкли и которая является продуктом желания. Воля, порождающая усилия и дисциплину, является продуктом желания, она создает конфликт между тем, что есть и тем, что должно быть, между тем, что вы хотите, и тем, чего вы не хотите. Такая воля представляет собой реакцию, сопротивление, она непременно вызывает другие реакции и другие сопротивления. Поэтому свобода никогда не достигается с помощью воли — той воли, которую вы знаете.

Осознание порождает свое собственное действие. Осознание само по себе уже есть действие. Ум осознает также, что он должен быть свободен, потому что только в состоянии свободы вы можете исследовать, вы можете делать открытия. Осознать необходимость освобождения абсолютно необходимо.

Ум является рабом привычек, обычаев, традиций, всех обременяющих его воспоминаний, страха быть рабом своего мужа или жены, своего начальника на работе; такова наша жизнь, и мы видим, как ужасающе она мелочна, удушлива, оскорбительна. Поэтому мы задаем себе вопрос: «Как я могу стать свободным?» А правильный ли это вопрос? Если он правильный, на него не нужно никакого ответа, потому что сама постановка вопроса откроет двери свободы. Если же это неправильный вопрос, вы найдете или, по крайней мере, будете думать, что нашли пути и средства «разрешения» проблемы. Что бы ни предпринимал ум, находящийся в рабстве, он никогда не сможет стать свободным; никакие средства, никакая система или метод не дадут ему свободы. Но если вы осознаете полностью, абсолютно, всецело, что ум должен быть свободным, само это осознание несет в себе действие, которое освобождает ум.

Чрезвычайно важно, чтобы вы поняли это. Понимание является мгновенным. Вы не можете отложить понимание на завтра. Вы не придете к пониманию в результате размышления. Вы либо понимаете в данный момент, либо не понимаете совсем. Понимание имеет место тогда, когда ум не загроможден мотивами, страхами, требованиями ответа. Заметили ли вы, что вопросы, которые ставит жизнь, не имеют ответа? Вы можете задавать вопросы: «В чем смысл жизни?» или «Что происходит после смерти?», или «Как я должен медитировать?», или «Моя работа скучна мне, что я должен делать?». Вы можете спрашивать, но самое главное, как вы спрашиваете. Если вы спрашиваете с целью найти ответ, этот ответ неизменно будет ложным, потому что он окажется проекцией вашего желания, вашего мелкого ума. Состояние ума гораздо важнее, чем сам этот вопрос. Любой вопрос, который задает ум, находящийся в рабстве, и ответ, который он получает, ограничены пределами рабства этого ума. Но ум, который представляет себе весь объем этого рабства, подойдет к проблеме совершенно иначе. Об этом совершенно ином подходе и идет речь.

Но большинство из нас предпочитает быть рабами, это менее беспокойно, более респектабельно и уютно. В рабстве мало опасности, и это именно то, чего мы хотим: безопасность, уверенность, жизнь без серьезных беспокойств.

Но жизнь стучится в нашу дверь и приносит страдания. Мы переживаем крушение надежд, несчастья, и в конечном итоге у нас нет никакой уверенности, ибо все постоянно меняется. Все человеческие взаимоотношения имеют конец, но мы хотим постоянных взаимоотношений. Таким образом, жизнь — это одно, а то, что мы хотим — совсем другое. Возникает конфликт между тем, чего мы хотим, и тем, что есть в жизни. Наши жизненные конфликты, противоречия

и борьба происходят на очень поверхностном уровне; наши мелочные вопросы, основанные на страхе и тревоге, неизбежно приводят к таким же поверхностным ответам.

Зона свободы человека сужается с каждым днем. Политические деятели, вожди, священники, газеты, книги, которые вы читаете, которые вы приобретаете, верования, за которые вы цепляетесь, — все это делает зону свободы все уже и уже. Как же все-таки ум может достигнуть этой свободы?

Если этот вопрос задает другой человек, то это не имеет никакого значения, вы должны спросить об этом сами, безотлагательно и настойчиво. Если вы осознаете ход этого процесса, если вы действительно осознаете поверхностность вашего ума, его увеличивающееся рабство, тогда вы увидите, что осознание порождает энергию; энергия, рожденная из осознания, разобьет мелочный ум, респектабельный ум, для которого храм является прибежищем, ум, исполненный страха.

Осознание — это путь истины. Осознавать что-либо — это изумительное переживание.

Когда вы смотрите на цветок, вы немедленно называете его и говорите: «Какой он красивый, я хотел бы иметь его в своем саду, я хотел бы подарить его своей жене или продеть в петлицу пиджака», и т.д. Другими словами, когда вы смотрите на цветок, ваш ум начинает болтать о нем, поэтому вы никогда не осознаете цветка. Вы можете осознавать что-либо только когда ваш ум молчит, а не болтает. Если вы можете смотреть на вечернюю зарю над морем, и ум ваш будет неподвижен, тогда вы действительно осознаете ее необыкновенную красоту; а когда вы осознаете красоту, разве вы не испытываете также состояния любви? Без сомнения, красота и любовь — одно и то же. Без любви нет красоты, а без красоты нет любви. Если нет любви, поведение человека опустошается, превращается в пустой механический, безжизненный продукт данного общества, данной культуры. Но когда ум осознает в полной неподвижности, тогда он может заглянуть во все глубины самого себя. Такое осознание является истинно вневременным. Чтобы достичь его, мы не должны что-то предпринимать, нет такой дисциплины, практики, метода, с помощью которых вы могли бы научиться осознанию. Ум не делает усилий, поэтому он не знает границы, рубежа, предела своему осознанию. Тогда жизнь перестает быть процессом, исполненным горя, борьбы невыразимой скуки. Жизнь становится вечным движением, без начала и без конца. Но для того, чтобы познать это вневременное состояние со всей его глубиной и освобождающим восторгом, нужно начать с понимания рабства вашего ума. Если вы не поймете рабства вашего ума, вы не будете свободным.

Если вы осознаете, что ваш ум узкий, ограниченный, рабский, мелочный, если вы осознаете это без выбора — тогда вы находитесь в состоянии осознания, и это осознание приносит с собой энергию, необходимую для освобождения ума от рабства. Тогда ум больше не имеет центра, из которого он действует. Если есть центр, то есть и периферия. Действовать исходя из центра, противоположного периферии, это рабство. Но когда ум, осознавая свой центр, воспринимает природу этого центра, одного такого осознания совершенно достаточно. Осознавать природу центра — это самое большое, что вы можете сделать; это величайшее действие, возможное для ума. Но для этого нужно все ваше внимание. Когда вы любите без какого-либо мотива, без какой-либо потребности, такая любовь приносит свои результаты, у такой любви свой путь, своя красота. Осознание требует полного внимания, когда вы отдаете чему-либо весь ваш ум, все ваше сердце, все ваше существо, проблемы не возникает. Проблемы и несчастья нашей жизни создаются частичным вниманием, в котором нет полной самоотдачи.

Беседа вторая

УМ

Для того, чтобы внести ясность в мир, должна быть прежде всего внутренняя ясность. Нас улавливают конфликты разных типов, разных степеней, на разной глубине. Некоторые конфликты очень поверхностны, механичны и легко разрешимы, в то время как другие гораздо глубже и почти неизмеримо глубоки. Эти скрытые конфликты вызывают искаженные действия, которые в свою очередь создают много несчастий и горя, создают все увеличивающееся число проблем, стоящих перед нами в повседневной жизни. Не отгораживайтесь от этих проблем, не говорите себе: «Это меня не касается». Это касается вас в потрясающей степени. Быть может, вы хотите, чтобы это вас не касалось, быть может, вы не хотите думать об этом, но долг каждого человека — знать всю проблему, стоящую перед ним, человечеством, во всей ее полноте, ибо мы ответственны за все, что происходит в мире, где бы ни происходили события. Мы, люди, тесно связаны друг с другом, и все что случается в любой точке земного шара, воздействует на нас.

Но прежде, чем идти дальше, важно понять один центральный вопрос: что цель и средство — одно и то же. С помощью любого средства вы не можете достичь отличной от него цели. Чтобы стать инженером, ученым, химиком и т.д., имеются определенные средства, и применение этих средств является правильным. Использование средств для достижения цели развивает механическое отношение к жизни и связано с эффективностью. Эффективный ум в мире техники, механики, науки необходим, но в мире Духа — это тиран. Ваши учителя, ваши книги все тираничны, потому что они требуют достижения цели с помощью средств. Средства ухудшают вас, и вы становитесь рабами. Свободы нельзя достичь с помощью средств. Если целью является свобода, бессмысленно пытаться достичь ее с помощью рабства. Если не является свободным первый шаг на пути к свободе, не будет свободы и в конце пути. Говорить, что пройдя через рабство, вы в конце концов станете свободным, — это старая и хорошо известная игра политических деятелей, учителей и йогов.

Это очень важный вопрос и здесь нужна полная ясность. То, что я раскрываю вам, не может быть понятно механистичным умам. Если вы привыкли к системе и пришли сюда, чтобы заменить старую систему новой, вы будете разочарованы, потому что я не предлагаю вам никакой системы, никакого метода, никакой цели. Наша совместная задача — раскрыть тайны ума, сделать новые и новые открытия. Но открытия возможны тогда, когда ум свободен и именно поэтому свобода так важна. Вы не можете делать открытия даже в самых обычных вещах, вы не можете видеть красоту, очарование формы и цвета, новизну знакомых вещей, если вы смотрите на них взором, скованным привычкой. Открытие заключено в самом разворачивании проблемы, но в момент, когда вы начинаете накоплять то, что открыто, вы перестаете делать открытия. Открытие или понимание нового невозможно для накапливающего механистичного ума.

Вам приходилось слышать, как кричат вороны? Какой ужасный шум они производят, рассаживаясь на ночь по деревьям! Слушали ли вы когда-нибудь этот шум, вслушивались ли вы в него на самом деле? Я позволю себе усомниться в этом. По всей вероятности вы отгораживались от него, говоря себе, что это ужасный шум, и он вам мешает. Но если вы способны слушать, для вас не будет различия между шумом и человеческой речью, потому что подлинное внимание предполагает ясность и полноту охвата, без какой-либо исключительности.

Я собираюсь затронуть проблему внутреннего противоречия. Почему существуют внутренние противоречия, и должны ли мы постоянно выносить их? Или же есть возможность

их понимания и выхода за их пределы?

Внутреннее противоречие связано с усилием. Вся наша жизнь основана на усиллии. Со школьной скамьи до самой смерти мы непрерывно делаем усилия и боремся, и боремся, и боремся.

Я считаю такую жизнь совершенно бесполезной, тщетной, не заслуживающей названия жизни. Не говорите: «Усилие и конфликт неизбежны, они составляют часть человеческой природы»; если вы говорите это — вы перестали слушать, вы перестали спрашивать. Не принимайте слепо ничего — ни того, что я говорю сейчас, и вообще ничего на свете, потому что жизнь не имеет ничего общего с простым принятием или отрицанием. Жизнь нужно жить, ее нужно чувствовать и понимать. Если вы просто принимаете или отрицаете, вы забаррикадировали свой ум, вы перестали чувствовать, жить.

Когда вас спрашивают, почему вы должны делать усилия, вы отвечаете: «Если я не буду делать усилия, общество разорвет меня на части. Если я не подчинюсь дисциплине, я потеряю свое место». и т.д. Всю свою жизнь вы делаете усилия и никогда не спрашиваете себя «почему?», а в конце концов после многих лет усилий и борьбы что вы представляете собой? Бесполезное существо, иссушенное, лишенное трудоспособности, не имеющее никакой цены. Итак, в чем же причина неустанных усилий, которые вы делаете?

Когда вы спрашиваете о причине, одного лишь словесного определения, которое является формой умозаключения, недостаточно. Вы должны его прочувствовать. Есть интеллект и есть чистое чувство любви, благородные эмоции. Интеллект рассуждает, рассчитывает, взвешивает, уравнивает. Он спрашивает: «Какую это имеет ценность? Даст ли мне это выгоду?» С другой стороны, есть чистое чувство — необыкновенное чувство, возникающее при виде неба, вашего соседа, вашей жены или мужа, вашего ребенка, красоты дерева, всего необъятного мира и т.д. Когда интеллект соединяют с чувством — это смерть. Понятно ли вам это? Когда чистое чувство искажается интеллектом, возникает посредственность. Именно так и поступает большинство из нас. Наша жизнь является посредственной потому, что мы всегда рассчитываем, спрашиваем себя, какую выгоду мы извлечем, какую это имеет ценность, и не только в мире денег, но и в так называемом духовном мире: «Если я сделаю это, получу ли я то?»

Итак, в чем же причина усилий, которые мы непрерывно делаем? Без сомнения, этой причиной является внутреннее противоречие. Имеются противоречия в нашем мышлении, в нашей жизни, в самом нашем существовании, а там, где есть противоречие, неизбежно возникает усилие — усилие быть чем-то. Противоречия существуют как в малых, так и в больших вещах. Различные наши желания противоречивы; имеются противоречия между тем, что, как я считаю, я должен из себя представлять. Это противоречие усиливается нашими идеалами. Если имеется идеал, внутреннее противоречие неизбежно. Пока есть внутреннее противоречие, всякое действие оказывается искаженным. Так называемые «хорошие» поступки являются злом, если их производить в неправильном направлении, а «хорошие» действия ума, находящегося в противоречии с самим собой, неизбежно ведут к несчастью. Внутреннее противоречие существует потому, что мы хотим чего-либо или стать кем-либо. Не говорите: «В таком случае я не должен становиться кем-либо!», проблема не в этом. Нужно просто видеть, что связано с вашим становлением — этого совершенно достаточно.

Пока внутри вас есть противоречие, вы никогда не создадите мира, в котором люди будут счастливы. Все ваши вожди и учителя воспитаны в этой традиции становления, их ум буквально кишит внутренними противоречиями; поэтому все добро, которое они могут сделать, в конечном счете даст плоды зла. То, что я говорю, может быть, не понравится вам, но таковы факты.

Внутреннее противоречие вызывает к жизни действие, и в этом состоянии внутреннего

противоречия вы действуете с чрезвычайной энергией, и общество, которое также находится в состоянии внутреннего противоречия, одобряет ваши действия. Вы не нравитесь себе таким, как вы есть, потому вы хотите стать другим, чем вы есть в соответствии с вашим идеалом.

Не спрашивайте: «Как же избавиться от внутренних противоречий?» — это в высшей степени глупый вопрос. Вы должны только видеть, что вы целиком уловлены внутренним противоречием. Этого совершенно достаточно, потому что в тот момент когда вы полностью осознаете противоречие внутри вас, это осознание порождает энергию, освобождающую от противоречий. Осознание действительности, подобно осознанию опасности, порождает свою собственную энергию, которая, в свою очередь, вызывает к жизни действие без противоречия.

Как возможно понять противоречие — именно понять, а не превзойти, подавить или сублимировать? Если вы хотите понять что-либо, в вашем сердце должна быть любовь, терпение, настойчивость, благожелательность, симпатия. Вооружившись этими качествами, попробуем понять, что такое сознание.

Сознание, без сомнения, основано на противоречии, оно представляет собой процесс соотнесения и образования ассоциаций. Без соотнесения сознание не существует. Соотнесение идей, ассоциаций накопленного опыта, сознательно или бессознательно приобретенных воспоминаний, расовых инстинктов, унаследованных традиций, бесчисленных влияний, которым мы подвержены, — все это составляет сознание с его нескончаемыми усилиями, которые определяют границы ума; это путь мысли, создающий центр и периферию. Противоречия и возникающие с ними усилия ограничивают ум, и это ограниченное сознание образует «Я» — «я» инженера, «я» изобретателя, учителя, бизнесмена, «я», связанное с мыслью, опытом, сознанием.

Связывающий нас опыт, влияния, традиции могут быть осознанными либо проявляться бессознательно. Большинство из нас, вероятно, не знает всех связывающих нас влияний, и если вы начнете изучать самого себя, неизбежно увидите, что ваши сознательные и бессознательные конфликты, вызывающие сны и различные психологические состояния, являются результатом глубокого внутреннего противоречия.

Внутреннее противоречие не способствует пониманию, оно порождает только хитрость, помогает приспособляться к окружению. Именно к этому и стремится большинство из нас. Действие, порождаемое внутренним противоречием, как бы заманчиво оно ни выглядело на поверхности, в конечном счете ведет к несчастью. На поверхности вы можете делать добро, но в конечном счете вы только усугубляете несчастья.

Если вы видите, что всякое действие, рожденное внутренним противоречием и связанной с ним напряженностью, неизбежно приводит к несчастьям человека в его отношениях с окружающим миром, вы начинаете спрашивать: «Что же в таком случае представляет собой разумное существо, его действие? Если такое действие существует, какова же его природа?» Это движение, не разделенное на идею и действие. Когда вы чувствуете что-либо очень сильно, вы действуете не рассчитывая, без хитрых доводов интеллекта, без размышлений о том, насколько опасно действие. Из этого чистого чувства рождается действие, не являющееся внутренне противоречивым.

Когда вы любите что-либо всем своим существом, — внутреннего противоречия нет. Но большинство из нас не знает этой полноты любви. Мы делим любовь на плотскую и духовную, святую и нечестивую, мы не знаем любви как цельного чувства, как любви полноты бытия, которая не от прошлого и не от будущего, которая не заинтересована в собственной непрерывности. Это чувство всеобъемлюще, у него нет пределов, нет границ, и это чувство и является действием, свободным от внутреннего противоречия. Не спрашивайте: «Как я могу достичь его?» Это не идеал, не вещь, которую вы должны приобрести, не цель, к которой вы

должны стремиться. Если любовь становится для вас идеалом, выбросьте ее прочь, потому что новый идеал внесет в вашу жизнь еще больше противоречия. У вас и без того достаточно идеалов, достаточно несчастий — не прибавляйте еще одного. Мы говорим о чем-то совершенно ином: об освобождении ума от всех идеалов, и тем самым от всякого противоречия. Если вы видите истину моих слов, этого совершенно достаточно.

Понимание не является ни вашим, ни моим достоянием, его нельзя найти с помощью какой-либо книги — оно анонимно. Когда ум слушает, не принимая и не отрицая, не сравнивая и не оценивая, когда ум моментально раскрывает истину всего происходящего, ум находится в состоянии понимания, это понимание совершенно анонимно. Все великое анонимно. Истина также анонимна, и вы должны быть в состоянии анонимности, если хотите, чтобы она к вам пришла. Всякое творчество анонимно — всякое истинное творчество, создающее нечто на пустом месте.

Мышление, основанное на опыте, вызывает внутреннее противоречие. Что означает слово «опыт»? Имеется вызов и реакция, реакция на вызов — это опыт, который становится памятью. Такая память рождает мысль, говорящую: «Это правильно, а то неправильно», «Это хорошо, а то плохо», «Это я должен делать, а то я не должен делать» и т.д. До тех пор, пока ум представляет собой такой осадок опыта, пока существует мысль, коренящаяся в памяти, внутреннее противоречие неизбежно.

Это очень трудно понять, потому что для большинства из нас жизнь основана на опыте. Мы движемся от одного опыта к другому, и каждый опыт, накапливаемый в виде памяти, обуславливает и формирует наш будущий опыт. Но имеется состояние ума, порождающее всеобъемлющее действие, когда идея не существует отдельно от действия, нет приспособления действия к идее. Если вы действительно начинаете исследовать это состояние понимания, вы сами откроете изумительную полноту, всеобъемлемость, цельность ума, не имеющего прошлого и будущего, такое состояние неизбежно влечет за собой действие. Сама жизнь становится действием без противоречия, с необыкновенным чувством блаженства, со спокойствием, которое неповторимо и не может быть достигнуто через подражание или изучение чужого опыта. Это спокойствие приходит загадочно, окутанное покровом тайны, вы не должны просить, чтобы оно пришло. Оно приходит, только когда вы очень глубоко проникли в самого себя и вырвали корни всех ваших условностей, обычаев, методов, идеалов и предрассудков. Лишь тогда вы найдете любовь и вместе с тем полную свободу от зла, а также от добра, потому что добро и зло являются разновидностями рабства. Свободна только любовь.

Беседа третья

ЗНАНИЕ, ОПЫТ, СМИРЕНИЕ

Сегодня я хочу говорить о знании, опыте и смирении. Но прежде чем углубиться в эти вопросы, я считаю важным исследовать природу смирения. Смирение, о котором я говорю, не является чем-то приобретенным или достигнутым или культивируемым. Добродетель, за которую борются, которая культивируется, накапливается постепенно, перестает быть добродетелью. Это важно понять. Либо у вас нет жадности и зависти, либо у вас они есть; если вы жадны, завистливы, вы не можете культивировать отсутствие жадности и зависти. Мы думаем о смирении как о качестве, которое должно быть постепенно приобретено, и из-за этого мы совершенно не понимаем очень простой и в то же время необыкновенно глубокой природы смирения, а без смирения мы не можем идти дальше.

Состояние смирения необходимо для всякого исследования. Это «всеохватывающее» чувство без центра, из которого ум может сказать: «Я смиренен». Человек, который путем стремления к чему-то намерен освободиться от какой-либо проблемы, не находится в состоянии смирения. Смирение имеется только тогда, когда ум хочет ясно видеть проблему независимо от того, что принесет ее исследование. Такой ум действительно исследует. Он хочет знать вещи такими, какими они есть, без жажды переделать, подчинить или сублимировать то, что он видит. Только такой ум находится в состоянии смирения.

Я прошу вас слушать то, что я думаю вслух, с чувством свободы, без усилия. В тот момент, когда вы делаете усилие слушать, вы перестаете слушать. Вы действительно слушаете, только когда у вас есть чувство свободы, достаточная уравновешенность души и тела, состояние ненапряженного внимания. В этом состоянии ненапряженного внимания ум сможет понять гораздо больше, он осознает более глубокие и тонкие вещи, чем говоря себе: «Я хочу понять и для этого я должен произвести усилие», — что, как можно опасаться, делает большинство людей.

Я прошу вас слушать с любовью и сознанием собственной свободы, я прошу вас исследовать с ненапряженным вниманием, потому что вы ничего не «приобретете» от меня. Я не собираюсь что-либо вам давать; если вы пришли сюда с намерением приобрести что-либо, вы даром тратите свое время. Если имеется тот, кто дает, и тот, кто получает, — оба они далеки от состояния смирения. Чтобы уяснить природу смирения, чтобы осознать это необыкновенное чувство, вы должны понять ваше упорное стремление освободиться от своих проблем, разрешить их. Этого хочет большинство из вас, не правда ли? Мы хотим разрешить наши проблемы, убежать от повседневных несчастий, конфликтов, борьбы, от мелочности, безобразности, грубости и мимолетных радостей нашего обыденного существования; мы все время порываемся бежать куда-то. Именно поэтому мы следуем за нашими вождями, присоединяемся к различным организациям, переходим от одного учителя к другому, надеясь найти средства преодоления тревоги, нашего страха, нашего недостатка любви.

У всех нас есть свои проблемы, от которых мы не можем уйти, и с течением времени тяжесть этих проблем не уменьшается, а становится все больше и больше. Подавляющее бремя так называемой цивилизации разрушает нашу способность к самостоятельному мышлению. Мы потеряли ту простоту, с которой необходимо приближаться к бесчисленным проблемам, стоящим перед нами. Ум желает превзойти или разрушить свои проблемы — проблемы жадности, зависти, лживости, ревности, лени, страха и т.д., ум активно ищет путь, метод, систему для достижения этой цели. Именно такая устремленность ума уничтожает смирение.

Там, где есть усилие — усилие для изменения, трансформации самого себя, — там нет смирения, там неизбежно появляется тщеславие. У вас возникает мысль о том, что вы изменились, достигли цели, вышли за пределы проблемы, и все это дает вам сознание вашей важности. Поэтому вы никогда не чувствуете подлинной природы смирения.

Нужно только смотреть на проблему, просто смотреть на нее и ознакомиться со всеми ее сторонами. Если вы изучите проблему, как бы она ни была болезненна и безобразна, если вы смотрите на нее, движетесь в ней, живете с ней, и — это не пустая фраза — обнимаете ее, если вы делаете проблему близкой сердцу, тогда вы обнаружите, что находитесь в состоянии смирения; и сама проблема становится тогда совершенно иной, нежели она была раньше. Избавиться от всякого стремления к изменению, от всякого усилия — это не состояние отрицания и также не состояние утверждения. Вы просто исследуете.

Большинство из нас завистливы. Проблема зависти очень сложна. Зависть связана с непрекращающейся борьбой, сопоставлением, состязанием, обостряющим волю, стремлением к достижению, выходу за пределы проблемы. Это и есть утверждающее действие, которое поощряется нашей культурой. В конечном счете жажда славы основана на зависти. Завидуя, вы страдаете, вы чувствуете разочарование, тревогу, страх, вы пытаетесь освободиться от зависти, и таким образом, неизбежно возникает конфликт. Такой ум не находится в состоянии смирения.

Когда ум знает, что он завистлив, когда ум не уклоняется от признания этого факта, не обманывает себя, не занимает лицемерной позиции, но просто говорит: «Да, это так, я завистлив», — простое признание факта несет с собой собственное действие. Но признание факта не то же самое, что его принятие. Когда вы признаете факт, у вас нет никаких сомнений. Когда вы просто принимаете его, всегда есть возможность неприятия. Итак, если вы осознаете тот факт, что вы завистливы, тогда само это признание, само самокритичное осознание вызывает действие, не являющееся действием воли. Такое действие происходит из состояния смирения, такое действие не связано с накоплением. В тот момент, когда вы начинаете накапливать отсутствие зависти, ваш ум больше не находится в состоянии смирения, а только в состоянии смирения вы можете узнавать новое.

Если вы поняли проблему смирения, я хотел бы перейти к проблеме знания, к необыкновенному явлению, называемому опытом, и к еще более сложной проблеме времени. Я прошу вас слушать свободно, без напряжения, слушать самих себя, а это трудное искусство. Только чистый ум способен осознать истину, а ум, отягощенный опытом — это мертвый ум. Может ли такой ум растворить или стереть свой прошлый опыт и родиться заново — таков вопрос, которым мы сейчас займемся.

У всех нас есть опыт. Мы испытываем раздражение, ревность, гнев, ненависть, неистовство и т.п. Испытав чувство гнева, например, ум накапливает осадок этого опыта, и этот осадок остается, окрашивая весь последующий опыт. Ваш ум упивается лестью, он восхищен, когда кто-либо говорит вам, что вы великолепны, и чувство удовольствия, вызванное льстивыми словами, представляет опыт, который остается в вашем уме.

Итак, опыт оставляет след в уме, этот след является памятью. Имеется необходимая память, как например, знания в области механики и техники, и имеется психологическая память, основанная на желании человека иметь важное значение, быть чем-то. Опыт представляет собой накопление знания о внешних и внутренних вещах. Я прошу вас понаблюдать за своим умом. Я только описываю, и если вы только слушаете описание, вы не живете. Всякое описание светит отраженным светом, вы живете по-настоящему, когда сами делаете открытие. Голодный человек не может жить на описаниях пищи, как бы ни были они прекрасны и соблазнительны. Итак, вы слушаете не меня, а самих себя. Вы сами наблюдаете, как осадок опыта уродует ум.

Если вы живете удовольствием от лести или негодованием от оскорбления, то ваш ум, без

сомнения, туп и изуродован. Ваш ум не имеет свежести, чтобы смотреть и исследовать. Вы проходите через жизнь, накапливая впечатления, следы, шрамы, приятные и болезненные, которые остаются в уме в виде опыта, становящегося знанием. Опыт, становящийся знанием, мешает ясности.

Характер нельзя отождествлять с упрямой приверженностью опыту, становящемуся знанием. О характере можно говорить только когда ум, полностью осознавая накопленный опыт, свободен от него и поэтому способен к ясности. Только ум, обладающий ясностью, имеет подлинную индивидуальность. Знание на определенном уровне абсолютно необходимо: я должен знать, где я живу, как выполнять работу, я должен узнавать свою жену и т.п. Но знание на другом уровне мешает движению познания.

Итак, что же такое познание и что такое знание? О чем идет речь, когда мы говорим, что знаем нечто? Действительно ли мы знаем, или же нам говорят об этом, и затем мы верим, что знаем, в то, о чем нам сказано? «Знать» — очень интересное слово. Как вы приобретаете знания и что вы знаете? Я прошу вас задать себе этот вопрос так же, как я задал его себе. Все, что человек знает, основано на опыте, и потому ум обуславливается знанием, ибо всякий опыт представляет обуславливания. У вас есть какой-то опыт, вы испытываете какое-то страдание или удовольствие, оставляющее след в вашем уме, и с этим обусловленным умом вы встречаете новый вызов. Другими словами, вы переводите этот вызов в термины собственной ограниченности, трансформируете его в свете своего прошлого опыта и тем самым еще более обуславливаете ваш ум. Если вы понаблюдаете за своим умом, то увидите, что это факт. Ум может узнавать новое только когда он не приобретает, не накапливает, а находится в непрерывном движении. Ум не может двигаться, не может узнавать новое, будучи обременен приобретенным, накопленным ранее, ибо тогда он находится в статическом состоянии. Познание представляет собой постоянное движение; здесь нет статического состояния, нет фиксированной точки, из которой возникает действие.

Имеется большое различие между слушанием с накоплением и без накопления; это два совершенно разных состояния. Вы слушаете без накопления, только когда вы не переводите услышанное в термины того, что вы слышали раньше. Когда вы слушаете с накоплением и слушаете дальше, исходя из накопленного знания, вы перестали по-настоящему слушать.

Думали ли вы когда-нибудь о природе любви? Любовь — это одно, а накапливать любовь — совершенно другое. Любовь не от времени. Вы не можете сказать: «Я накопил любовь во времени», ибо это бессмысленно. Если вы говорите это, ваша любовь мертва, вы больше не любите. Состояние любви не от прошлого и не от будущего. Точно также знание — это одно, а движение познания — совершенно другое. Знание связывает, а движение познания не связывает. Знание неразрывно связано со временем, а движение познания вневременно. Если я хочу узнать природу любви, медитации, смерти, я не должен ничего принимать или отрицать. Мой ум находится не в состоянии сомнения, а в состоянии исследования, свободен от времени, т.к. он не накапливает.

Если ум не будет свежим, обновленным, чистым, природа вневременного, природа бессмертия не может быть понята. Я не употребляю сейчас слово «бессмертие» в его обычном смысле. Я использую его, чтобы обозначить чувство неизмеримой бесконечности, чувство, наполняющее ум, освободившийся от границ и пределов. Я не говорю о бессмертии, которого желает мелочный ум, стремящийся жить вечно. Это вовсе не бессмертие — это рабство, порабощенность временем. Я хочу раскрыть природу вневременного бессмертия. Чтобы сделать это, мой ум должен находиться в состоянии исследования, в непрекращающемся движении познания, а не в состоянии омертвевшего знания, кладущего конец дальнейшему познанию. Именно в этом заключен источник несчастья для многих.

Сознательно или бессознательно ум накопил большой опыт; может ли такой ум быть в состоянии чистоты, свободно смотреть, наблюдать, действовать без заднего плана прошлого, рабства перед временем? Является ли для вас это проблемой? Вероятно нет. Но эта проблема непременно встает перед каждым, кто исследует жизнь, потому что все, что мы знаем в жизни — это разочарования и отчаяние и лишь время от времени мимолетные мгновения радости. Хотя иногда мы испытываем прикосновение радости, в целом для большинства из нас жизнь — ужасная вещь, и наши глаза полны слез. Жизнь ставит перед нами вопросы, на которые нет и не может быть ответа; жизнь должна быть заново понята в каждый ее момент. Но мы всегда ищем ответа, и ответ, который мы находим, неизбежно соответствует шаблонам того, что мы называем нашим знанием. А когда рано или поздно обязательно оказывается, что ответ согласно шаблону — вообще не ответ, мы опять впадаем в отчаяние.

Когда ум действительно начинает исследовать все это, он хотя бы чисто интеллектуально видит необходимость быть во вневременном состоянии. Время — это отчаяние, потому что во времени есть только завтра. Это завтра может повторяться сто и более раз, но в конце всего этого процесса нет никакого ответа. Страдание все еще здесь. Поэтому наша жизнь хаотична и нет конца нашим страданиям, сколько бы мы о них не философствовали. Поэтому исследование природы вневременного чрезвычайно полезно и важно.

Время — это накопление опыта, всякое накопление опыта порождает время — переход от прошлого через настоящее к будущему. Время может разрешить технические проблемы, вскоре у нас будут машины для путешествия на Луну и т.п. Но глубокие человеческие проблемы никогда не разрешаются временем, они не могут быть разрешены умом, опирающимся на опыт, умом, порожденным временем. Когда такой ум видит перед собой глухую стену, возникает отчаяние. Но если вы понимаете природу всего этого временного процесса, вы неизбежно начнете исследовать вневременное, вечное, не рассуждать на тему, существует ли вечное и как его достигнуть, что является школярским подходом, но быть в состоянии исследования в движении познания, никогда не говоря: «Я знаю». Человек, говорящий «Я знаю», на самом деле не знает.

Итак, проблема состоит в том, может ли ум быть свободным от всякого накопленного опыта и знания и в то же время не находиться в состоянии амнезии. Вы жили так долго, узнали и приобрели так много, ваш ум стал поверхностным и мелочным, хотя он полон многими вещами, но по существу это пустой ум, и вы продолжаете все так же жить, накапливая все более и более, пока вы не умрете. Видя неизбежность смерти, вы спрашиваете, есть ли что-либо после смерти. Когда вам говорят, что после смерти вы попадете в рай, вас это удовлетворяет, и вы умираете, надеясь на загробную жизнь, но до самого последнего момента не заглушив голос страдания.

Самое главное — находиться в движении познавания, т.е. в состоянии исследования самого себя. Но это требует постоянного внимания — внимания, а не усилия. Быть внимательным — это значит осознавать то, что есть, когда вы гуляете, разговариваете, едете в автобусе, сидите в кино или читаете книгу. Если вы можете быть таким образом внимательны, вы сами откроете для себя движение познавания, которое и есть истинное состояние смирения. Тогда вы больше не будете последователем кого-либо или чего-либо и в вашей жизни не будет подражания, заимствования из чужого источника.

В настоящее время вы живете чужими истинами, вы знаете только то, что вам было сказано о боге, о добродетели, почти обо всем в жизни. Вы то, что вы читали, что вы слышали, вы простой оттенок вашей культуры. Вы не знаете ничего кроме вашей работы, ваших влечений и беспокойств. Вы подражаете, вы следуете за кем-либо, у вас есть авторитет, учителя, ваши поддельные боги.

Ум, находящийся в движении познавания, пребывает в смирении, которое есть чистота,

только чистые знают любовь. Чистый ум есть любовь. Опыт не является учителем. Опыт — учитель достижения, учитель механических вещей так же, как и знание. Но ум, находящийся в движении познания, свободен от знания и поэтому не имеет ни прошлого, ни будущего. Такой ум может принять то, что неизмеримо умом.

Беседа четвертая

РАСКРЫТИЕ ЭНЕРГИИ

Я хотел бы сегодня говорить о раскрытии энергии в виде желания с его осуществлением и неосуществлением и может быть о том, что находится за пределами ума. Все виды изменений чрезвычайно беспокоят большинство из нас. Мы любим исхоженные пути привычек и обычаев, отклониться от этих путей для нас почти невозможно. Изменения в этих привычках мы делаем под воздействием внешних влияний, мы не изменяемся сами, нас принуждают изменяться. Обстоятельства играют важную роль в изменении наших установок, наших ценностей, нашего поведения. Эта проблема заслуживает тщательного исследования, если мы хотим познать пути нашего мышления. Мы изменяемся под воздействием пропаганды, газет, книг, среды, воспитания, семьи, традиций и общественного мнения, климата, пищи. Мы никогда не свободны от этих влияний, результатом которых мы являемся. Мы продукт окружающей среды. По-моему, не существует хорошего или плохого влияния, всякое влияние является злом, потому что оно обуславливает и порабощает ум. Наблюдайте за собой и за влияниями, которые оказывает на нас окружающая среда и вы увидите необычайные процессы, происходящие в так называемом свободном уме. Я не думаю, что ум свободен, но ум может осознавать свое обуславливание.

Если мы не поймем влияний, рабами которых мы являемся, мы никогда не сможем разбудить энергию, совершенно необходимую для нас. Осознание этих влияний является частью самого себя. Такое осознание чрезвычайно трудно, потому что влияния часто бывают очень тонкими. Но если вы начнете сознательно, обдуманно, непрерывно задавать себе правильный вопрос, т.е. раскрывать в себе эти различные влияния, тогда ум становится чрезвычайно бдительным.

Прошлое со всей его памятью, психологическими ранами, опытом влияет на настоящее. Настоящее становится переходной точкой от прошлого к будущему, завтра принимает ту или иную форму в зависимости от вчера. Вы отвечаете на вызов настоящего соответственно вашему прошлому, и этот вызов и ответ формирует будущее. Не называйте этот процесс кармой. Карма — это совершенно другое.

Когда мы изменяемся, это обычно происходит из-за принуждения, из-за несчастий, из-за стремления к успеху или вследствие какой-либо другой формы влияния. Вы можете наблюдать такой механический процесс изменения в вашем уме; но «изменение», являющееся результатом влияния, — это вообще не изменение, хотя оно и может дать уму определенную энергию, но когда рано или поздно жизнь преграждает привычные пути проявления энергии, наступает разочарование и отчаяние. Вы порождаете энергию, преследуя свою выгоду, но эта энергия, как бы ловко и искусно вы ее не применяли, всегда действует от центра к периферии. А разве это изменение?

Воздержание от насилия, практикуя ненасилие, — вовсе не изменение. Ненасилие с наличием мотива все еще является насилием. Совершая в своей жизни один за другим акты насилия, вы говорите: «Я должен практиковать идеал ненасилия». Ненасилие является таким образом проекцией вашего ума, реакцией на насилие. Приняв идеал ненасилия, вы начинаете подчинять себя дисциплине, вы боретесь, чтобы согласовать себя с идеалом, вы проходите через болезненный процесс постоянного приспособления к нему, этот процесс всегда бывает поверхностным, хотя общество и считает, что это одна из форм добродетели. Как странно, не правда ли? Мы хотим, чтобы люди признали нашу добродетель, признали, что мы достигли состояния ненасилия или находимся на пути к этому состоянию. Признание со стороны людей

играет исключительную роль в нашей жизни, не правда ли? Вы видите на примере, каким тонким является желание власти.

Все мы должны измениться коренным образом, глубоко, до самого основания, потому что такие, как мы есть, мы не имеем права называть себя настоящими людьми; все мы рабы различных форм влияния. Именно поверхностное мышление создало современное общество с его беспощадностью, с его воинами и так называемыми революциями, с его концентрационными лагерями и диктатурами, со всеми ужасами полицейских государств.

Итак, если вы действительно заняты полным преобразованием человека, вы должны осознать эту проблему влияния, в том числе поиски божественного вдохновения, посещение храмов, чтение священных книг, повторение мантр — всю эту чудовищно безобразную дисциплину, которой вы подчиняете себя, чтобы стать свободным, и которая является отрицанием подлинной свободы. Интеллект крайне поверхностен. Он может изобретать умные теории, доказывать и опровергать, продолжая эту игру неопределенно долго, но он не может произвести изменения, он не может произвести подлинное качественное преобразование ума. Там, где происходит насильственное изменение, внешнее или внутреннее, имеется также стремление к власти, которое в конечном счете приводит к какой-либо форме диктатуры; это стремление к власти порождает свою энергию. Если вы когда-нибудь экспериментировали, пытаясь подчинить своему контролю душу и тело, вы знаете, что полное господство над собой доставляет необыкновенное наслаждение. Такое господство дает острое наслаждение властью — значительно более интенсивное, чем наслаждение властью, связанное с высоким положением в обществе. Мы говорим сейчас о физической власти человека над природой и т.п. Мы обсуждаем психологическую потребность власти.

Энергия, как стремление к власти, ищет своей реализации. Я хочу добиться самореализации через действие, я хочу быть или стать кем-то. Я хочу стать директором или первым учеником, я хочу достичь понимания, я хочу получить ученую степень или лучшую работу, чтобы заработать больше денег — все вы знаете эту игру в приобретательство, которая разыгрывается нами с самим собой, и через которую происходит самореализация.

Если вы понаблюдаете за собой, вы убедитесь, что самореализация — это, в сущности, требование ума, жаждущего власти; когда ум не может добиться самореализации, он чувствует разочарование, чтобы избежать страданий, связанных с разочарованием, ум обращается к какому-либо другому средству самореализации. Если я не преуспеваю в мирской жизни, я стремлюсь стать святым, я преследую мирской успех и т.п. и т.д. Жажда соответствовать определенному шаблону изменения порождает энергию, дающую чувство власти, которое, в свою очередь, стремится к усилению через реализацию. Эти процессы неминуемо связаны со множеством страданий, ибо человек, стремящийся к самореализации, постоянно живет в страхе неудачи; здесь-то и начинаются несчастья.

Мы никогда не спрашиваем себя, есть ли действительно такая вещь, как самореализация. Однажды вечером человек может увидеть на небе прекрасные облака, и у него появится желание нарисовать их. Но если акт рисования становится для него средством самореализации, то в тот момент он больше не художник. Точно так же у вас может быть желание самореализации через семью, желание оставить после себя сына, носящего ваше имя, вы можете назвать ваше желание любовью, и с вами согласится все респектабельное общество, но на самом деле это не любовь. Это простое стремление продлить свое существование в другой форме.

Изменение без мотива нечто совершенно отличное от всего этого: оно приходит без ваших поисков, как утро превращается в вечер, как тьма превращается в свет. Ум видит разрушительную, развращающую природу стремления к власти с его разочарованиями и несчастьями. Когда ум видит все это, первая его реакция — попытаться убежать в то, что

называют космическим сознанием, истиной, богом — вы хорошо знаете эти высокопарные слова. Но это вовсе не изменение. Это просто продолжение всего, что было, его результат, проекция на то, что будет.

Итак, имеется ли путь исследования, который поможет уму быть в состоянии энергии и понимания, в состоянии, являющимся непрерывным изменением, вечным движением без начала и без конца? Я прошу вас, прежде всего понять вопрос, а не думать о том, как достичь этого вечного движения, каким образом захватить вневременность для вашего личного пользования в вашем собственном маленьком доме.

Есть состояние, в котором все добродетели действительно существуют: это состояние внимания. Быть полностью внимательным, значит быть полностью добродетельным, значит жить среди распустившихся цветов добра и красоты. А что вы делаете в настоящее время? Вы находите себе маленький рай, безмятежную заводь в жизненной реке, и там вы двигаетесь, функционируете, «изменяетесь».

Для того, чтобы исследовать проблему внутреннего изменения, вы должны полностью осознать природу власти, ее жажду, имеющуюся у всех нас, и понять, может ли ум осознанно прекратить борьбу за власть без какого-либо мотива. Я говорю о подлинном отречении от мира — не о замене одних богов другими, не о том, чтобы стать отшельником или уйти в монастырь, или переодеться в другие одежды. Подлинное отречение, являющееся внутренней революцией, — это полное прекращение поисков власти, стремления стать значительным, иметь общественное признание; полное отречение фактически означает, что вы входите в новый мир, совершенно вам не известный, где ваш ум не был, где нет его проекций, где нет ни будущего, ни прошлого, а только внимание, исследование и осознание. У осознания нет прошлого, осознание не ведет к накоплению, только с пробуждением осознания возникает энергия, не являющаяся продуктом ума. Не переводите слово «энергия» как Бог, ваши ужасные понятия о Боге не имеют ничего общего с тем, о чем я говорю. Существует энергия, по своей сущности творческая и вечная; если вы не поймете этого, если вы не соприкоснетесь сами с этой энергией, не окунетесь в ее океан, не узнаете ее красоты, все, что вы думаете о Боге, не имеет никакой ценности. Творческая энергия приходит загадочно и таинственно, без того, чтобы ее просили прийти.

Наша жизнь и красота творческой энергии — это совершенно разные вещи. Наша жизнь полна мишуры, поверхностна и пуста. Энергия, которой мы обладаем, ограничена и быстро исчерпывается. Мы живем с ненавистью, ревностью, завистью. Очевидно, мы должны оставить старые пути нашей жизни. Быть добрым без мотива, быть щедрым без расчета, делить с другими все, что у вас есть, давать щедрой рукой, щедрым сердцем и умом, не спрашивая, что вы получите взамен — мы должны это делать, только такой образ жизни является порядочным и достойным цивилизованного человека; но это не та творческая энергия, о которой идет речь. Иметь добродетели, которые я перечислил, — это все равно, что поддерживать в доме порядок и блестящую чистоту. Порядок и чистота, разумеется, необходимы, но если с их помощью вы надеетесь достичь свободы, свобода никогда не придет. Пусть ваш ум будет честным, бдительным, внимательным без выбора: наблюдайте за каждым движением вашей мысли, осознавайте значение каждого слова, но без какого-либо мотива, импульса или принуждения. Тогда случится необыкновенное: энергия, не принадлежащая вам, снизойдет на вас. В этой энергии вневременное бытие, эта энергия и есть подлинная реальность.

Сегодня я хотел бы говорить о чувствительности ума и о медитации. Но прежде, чем мы перейдем к этим проблемам, мне кажется чрезвычайно важным, чтобы ум был вполне ясным, потому что не будучи ясным, он не может мыслить очень глубоко. Ясность совершенно необходима на любом уровне ума. Если вам не ясен путь к дому, вы можете заблудиться. Если вам не ясны ваши чувства, возникает внутреннее противоречие. Если вы не полностью понимаете пути своего мышления, такой недостаток ясности приводит к иллюзии. Я думаю — иметь действительно ясный ум чрезвычайно трудно, потому что ясность нельзя культивировать, ей нельзя научиться: ясность приходит через внимание, через наблюдение, через осознание.

Ясность, о которой я говорю, является частью чувства прекрасного. Очень немногие чувствительны к красоте — к красоте заката, к красоте лица, к красоте изгиба дерева, листа, трепещущего на ветру, к красоте летящей птицы, к красоте жеста и слова. Я говорю не столько о внешнем выражении, сколько о внутренней структуре красоты. Ясность — это состояние полного бытия так же, как и красота. Красота всеобъемлюща. Точно так же ясность не может быть частичной. Ясность проникает собой весь ум, это чувство полноты существования. Ясность — это простота. Мы судим о простоте по одежде, по внешнему образу жизни. Для меня же простота — это внутреннее состояние бытия без противоречия, без сравнения: это осознание в подходе к любой проблеме. Простота не имеет ничего общего с преследованием ранее установленных целей. Ум, заранее ориентированный в сторону цели, никогда не бывает пустым. Простой ум — это такой ум, который функционирует, думает и чувствует без мотивов. Мотив неизбежно связан с внутренним противоречием. Для меня медитация — не что иное, как освобождение ума от всех мотивов.

Ум — не просто хранилище мыслей, он также и мысли, которые в нем хранятся, и ограничения, наложенные на него временем. Ум — это также чувство отдельности, особенности, это память, способность к испытыванию опыта в виде знания и к сосредоточению опыта в виде знания. Ум — это также время, в том смысле, что ум смотрит как назад, в прошлое, так и вперед, в будущее.

Но, кроме того, ум — это нечто, покрывающее все эти элементы, вместе взятые, нечто, не являющееся просто словом и узнаванием этого слова. Ум напоминает небо, охватывающее все вещи на Земле. Дерево — это не просто листья, цветы, ветви, ствол или корни, это целое, включающее в себя все это. Точно так же ум — это целое, поэтому чувствовать целостность ума, осознавать эту целостность — это действительно начало медитации. Если мы не чувствуем целостности ума, мы сводим его к простой машине, чем он и является для большинства из нас.

Для большинства из нас ум — это слово, образ, символ, это процесс наименования из заднего плана памяти, опыта. Научившись выполнять какую-либо работу, мой ум продолжает функционировать автоматически, установив определенные отношения с женой или мужем, с детьми, с обществом, я поддерживаю их без дальнейшей работы мысли. Мои ответы на различные стимулы являются механическими. Мой ум стремится избежать беспокойств, он не желает спрашивать, не желает состояния неуверенности, поэтому он устанавливает определенный шаблон поведения и мысли, шаблон отношений к людям и к природе, а также к собственности, к вещам. Посмотрите, хотя бы, в каком рабстве находится ум по отношению к словам «Любовь», «Бог», «Индия», «Гита». Ум изобретает символы, становится рабом, в результате символы приобретают гораздо большее значение, чем живая жизнь.

Ум накапливает знания, которые представляют собой символы, слова, и если ум не в состоянии освободиться от символов, от слов, от памяти, которая есть знание, то он никогда не сможет проникнуть в беспредельность внутри самого себя.

Само собой разумеется, что есть вещи, которые мы должны знать и не можем забыть. Мы не можем забыть свой язык, дорогу домой, наши профессиональные знания, достижения науки. Но есть другая часть ума, проецирующая себя во времени, создавая будущее как цель, которая должна быть достигнута. Ум такой, как мы его знаем, есть время; он результат времени, времени как «до» и «после», времени как процесса жизни в прошлом или будущем, что, естественно, препятствует пониманию настоящего. Я не говорю о хронологическом времени, о времени как психологической необходимости для развертывания постоянного процесса достижения, который мы называем эволюцией. Мы говорим, что для понимания нам нужно время, имея в виду будущее.

Жизнь сложна, так же как и ум. Вы должны увидеть перед собой эти проблемы, не будет никакой пользы, если вы просто скажете: «Помогите мне освободиться от работы перед временем». То, что вы безусловно можете сделать — это полностью осознать шаблоны вашего ума и, так сказать, проскользнуть через них к состоянию, неизмеряемому умом, потому что все, что бы ни делал ум для своего освобождения, всегда остается в поле времени. Всякое усилие, производимое умом, еще более ограничивает ум, потому что усилие связано с борьбой для достижения цели. И с таким ограниченным умом, находящимся в рабстве, вы пытаетесь медитировать?

Я прошу вас прежде всего ясно увидеть проблему. Проблема не в том, как и чем медитировать, а способен ли вообще ум к медитации. Нам говорили, что мы должны медитировать, и с помощью медитации мы надеемся достичь результата — счастья, Бога, истины и т.п. Поэтому мы делаем усилие, чтобы медитировать, а там, где есть усилие, есть и элемент времени. Мы говорим: «С помощью дисциплины, с помощью практики, с помощью самоконтроля, через постепенность, разворачивающуюся во времени, я достигну понимания Бога!

По-моему это совсем не медитация. Это чистый самогипноз, проекция ваших иллюзий и вашего опыта; с помощью такой проекции вы можете иметь видения, но вы не достигнете свободы. Вы слышали, что состояние медитации необычайно прекрасно, что медитация дает человеку внутреннее спокойствие и тишину, поэтому вы контролируете и дисциплинируете свой ум, делая усилие медитировать, в надежде достичь таким образом тишины и спокойствия.

Однако, прежде чем вы сможете достичь этой тишины, прежде чем вы сможете увидеть истину, Бога, вы должны понять ум в состоянии медитации, иначе что бы вы не предпринимали, ваш ум будет по-прежнему находиться в поле своего знания и обусловливания. Вы можете разбудить определенные способности, но все это окажется одной из форм самообмана. Если вам нравится обманывать самого себя, если вы принимаете этот обман, что ж, продолжайте эту игру, отдаваясь ей целиком. Но если вы действительно хотите узнать, что такое медитация, безусловно, вам следует начать не с вопроса, как медитировать, а с исследования, способен ли ум, ставящий эту проблему, понять ее.

Я не знаю, ясно ли вам, насколько механистичен ум. Все, с чем он соприкасается, становится механистическим. Сегодня вечером я вижу что-то новое, и эта новизна становится опытом ума, на завтра этот опыт уже делается механистическим, потому что я хочу повторить испытанное ощущение, еще раз изведать связанные с ним удовольствия. Я устанавливаю определенный процесс, метод, с помощью которого я пытаюсь завладеть однажды испытанной новизной, поэтому она становится механистической. Все, с чем соприкасается ум, неизбежно теряет творческий характер и становится механистическим.

Итак, возникает вопрос: может ли ум представить себе природу своих механистических привычек? Может ли он осознавать как факт то, что есть, и не спрашивать, как изменить этот факт, как его уничтожить. Я думаю, что простое осознание действительного факта, осознание того, что есть, приносит с собой ясность.

Это, без сомнения, важно понять, потому что большинство из вас старается уйти от того, что есть, к тому, что должно быть, вследствие чего возникает большое количество проблем и противоречий. Итак, я просто хочу знать, что есть, и это все, ничего больше не требуется. Меня не интересует то, что должно быть. Я хочу знать свой ум таким, как он есть, со всеми его противоречиями, с его ревностью, с его надеждами и отчаянием, с его агрессивностью и завистью, с его способностью к обману. В тот момент, когда я действительно вижу, что есть, имеется ясность — ясность, которая поможет мне проникнуть еще глубже в то, что есть.

Для большинства из нас то, что есть, не представляет интереса, поэтому мы не можем проникнуть в то, что есть. Мы думаем, что имея идеал, мы можем превратить то, что есть, в то, что должно быть, что идеал, то, что должно быть, разбудит в нас способность понять то, что есть. Но я чувствую, что истиной является обратное: способность проникать в то, что есть, приходит, когда мы наблюдаем то, что есть, без какого-либо отвлечения внимания.

Все наше существование проявляется из того, что есть, а не из того, что должно быть. То, что должно быть, идеал, не имеет никакой реальности. Ум должен глубоко проникнуть в то, что есть, а не просто останавливаться на поверхности, говоря: «Такова моя жизнь, таковой и бывает жизнь» и т.д. Жизнь — это необыкновенное явление, которое мы называем прошлым и будущим, но жизнь значительно шире и глубже, она имеет необъятное значение, если ум может войти в нее через настоящее.

Говоря другими словами, всякое испытание опыта обусловлено прошлым опытом. Когда вы наблюдаете, фактически существует только состояние испытывания опыта. Но то, что было испытано, немедленно переводится в память, которая затем обуславливает дальнейшее испытывание. Состояние испытывания опыта обуславливается вашим задним планом со всеми вашими верованиями и предрассудками.

Быть может, вы поймете это, слушая меня, но описание никогда не является реальностью. Реальность — это моментальное видение истины, ибо у истины нет будущего, нет прошлого, у нее нет продолжительности, и в этом ее красота, простота и ясность.

Когда механистический ум исследует, что такое медитация, он хочет привести медитацию в поле известного. В конечном счете — это известное и ничего более. Ум не является неизвестным. И когда ум, который есть известное, пытается открыть неизвестное, он изобретает для этого методы, системы, практические приемы, дисциплину. Ум не может открыть неизвестное. Что он может сделать — это осознать свои собственные процессы, являющиеся процессами известного и ничего больше, он не в состоянии понять или уловить, или почувствовать неизвестное.

Что же в таком случае представляет собой медитация? Медитация имеет величайшее значение, потому что вся жизнь есть медитация — медитация в смысле состояния, в котором границы ума разбиты, в котором нет «Я», нет центра, а поэтому нет периферии. Без медитации жизнь становится крайне поверхностной, механистической. Поэтому медитация необходима, она так же важна, как дыхание. Это значит, что вы должны оставить все, что вы читали и чему вас учили о медитации, потому что в противном случае вы не будете наблюдать, не будете экспериментировать.

Медитация, безусловно, никогда не является процессом концентрации, потому что высочайшая форма мышления — это отрицательное мышление. Положительное мышление разрушительно для исследования, для открытия. Я сейчас думаю вслух отрицательно.

Творчество приходит через отрицание, отрицание не является противоположностью положительного, это состояние, в котором нет ни положительного, ни отрицательного, как реакция на положительное. Подлинное отрицание — это состояние полной пустоты, только когда ум пуст в этом смысле слова, только тогда возможно творчество. То, что рождается из этой пустоты, есть отрицательное мышление, которое не ограничено ничем положительным или отрицательным со стороны ума.

Итак, концентрация — это не то же самое, что медитация. Если вы понаблюдаете, вы увидите, что концентрация — это форма исключения, а там, где есть исключение, есть мыслитель, который исключает. Мыслитель, тот кто исключает, тот кто концентрируется — вот источник противоречия, потому что он создает центр, от которого возможно отклонение. Концентрация не является путем медитации, это не путь открытия того, что может быть названо неизмеримым. Концентрация предполагает исключение, она предполагает мыслителя, делающего усилие, чтобы сконцентрироваться на чем-то. Но состояние внимания, не являющееся концентрацией, не имеет границ, это отдача всего вашего существа чему-то без какого-либо исключения.

Я прошу вас поэкспериментировать, пока я говорю. Посмотрите, можете ли вы быть в таком состоянии внимания, чтобы функционировал не только ваш ум, а пробудилось бы все ваше существо. Не говорите: «Что вы имеете в виду под существом?». Дело не в словесных определениях. Пусть все ваше внимание будет активным без выбора, это означает, что вы будете слышать шум автобусов и трамваев, что вы услышите тишину. Если все ваше внимание будет активным, вы обнаружите, что вы также слушаете меня с изумительной ясностью и проникновением, но если вы просто концентрируетесь, то имеется исключение и поэтому нет подлинного внимания.

Концентрация — это сужение поля активности ума. Такое сужение может быть очень эффективным для школьника на уроке, но мы говорим обо всем жизненном процессе, поэтому исключительная концентрация на каком-либо частном аспекте делает жизнь мелочной. Если же у вас есть полное внимание, жизнь становится бесконечной и неизмеримой умом.

Вам говорили, что есть разные пути медитации о реальности, о Боге, если вы предпочитаете это слово. Но разве существуют пути, методы, системы, с помощью которых вы можете достичь чего-то живого? Возможно найти путь к статичному, фиксированному, мертвому, но не к живому. Если вы хотите понять вашу жену, вашего соседа, вашего друга, для этого нет «пути», нет системы, с помощью которой можно понять живое человеческое существо. Точно также вы не можете проникнуть к живому, динамичному с помощью какого-либо пути или метода, но вы сводите реальность, Бога к чему-то статичному и затем изобретаете методы для достижения его.

Итак, концентрация не является путем медитации, и нет никаких методов, систем или практических способов, какие могли бы привести вас к реальности. Если вы увидите эту истину — что ни одна система, какой бы она ни была утонченной, какой бы она ни была новой или освященной традицией, не приведет вас к реальности — вы никогда не вступите в это поле иллюзий; и ваш ум снялся с якоря прошлого, поэтому вы находитесь в состоянии медитации.

В медитации находится также проблема неизвестного. Ум, как уже было сказано, представляет собой известное, т.е. то, что уже было испытано. С этой меркой мы пытаемся подойти к неизвестному, но неизвестное, очевидно, никогда не может быть познано известным, известное может знать только то, что оно испытало, чему оно было научено, что оно накопило.

Если я очень хорошо вижу, что мой ум не в состоянии познать неизвестное, наступает абсолютное спокойствие. Если я чувствую, что могу уловить неизвестное с помощью известного, я начинаю производить большой шум, я болтаю, я извергаю, я пытаюсь найти путь к неизвестному. Но если ум поймет свою полную неспособность познать неизвестное, если ум

осознает, что он не может сделать ни шагу навстречу неизвестному, что тогда происходит? Тогда ум погружается в полное молчание. Это не отчаяние: просто ум ничего более не ищет.

Поиски могут быть только от известного к неизвестному, все, что ум может сделать — это осознать, что движение поисков никогда не раскроет неизвестного. Всякое движение, исходящее от известного, все еще находится в поле известного. Это единственное, что я должен осознать, это единственное, что ум должен понять. И тогда без какой-либо стимуляции, без какой-либо цели ум будет молчать. Замечали ли вы, что любовь — это молчание? Так бывает, когда вы держите руку любимого человека, когда вы смотрите с любовью на ребенка, когда вы вбираете в себя красоту вечера. У любви нет ни прошлого, ни будущего, точно так же необыкновенное состояние молчания находится вне времени. Без этого молчания, являющегося полной пустотой, нет творчества. Вы можете обладать большим умом и способностями, но там, где нет творчества, наступает опустошение и упадок. И ваш ум увядает.

Когда ум пребывает в пустоте и молчании, когда ум находится в состоянии полного отрицания, которое не есть отсутствие всякой деятельности, не есть противоположность положительного, но совершенно особое состояние, связанное с прекращением всякого мышления — только тогда приходит то, что не имеет имени.

Беседа шестая

СКОРБЬ, ВОЛЯ, СТРАХ

Сегодня я хотел бы, если возможно, говорить с вами о скорби, воле и страхе. Большинство из нас живет в мире мифов, символов, подделок, которые имеют для нас большее значение, чем мир действительности. Мы не понимаем действительного мира нашей повседневной жизни с его несчастьями и борьбой, и поэтому мы пытаемся убежать от него, создавая наш собственный поддельный мир, мир богов, символов, идей и образов. Там, где имеется бегство от действительности в этот поддельный мир, там всегда есть противоречия и скорбь. Если мы хотим быть свободными от скорби, мы безусловно должны понять тот поддельный мир, в который мы постоянно убегаем. Индуист, мусульманин, буддист, христианин — все они имеют свой поддельный мир символов и образов, который улавливает их. Для них символ имеет большее значение, более важен, чем жизнь, символ пускает прочные корни в бессознательном и играет огромную роль в жизни всех, кто принадлежит к той или иной культуре, цивилизации или иной организованной религии. Итак, если мы хотим быть свободными от скорби, я полагаю, прежде всего важно понять поддельный мир, в котором мы живем.

Если вы пойдете по дороге, вы увидите великолепие природы, необыкновенную красоту зеленых полей и открытого неба, вы услышите детский смех. Но, несмотря на все это, скорбь не исчезнет. Это мучения женщины, рожаящей ребенка, скорбь, связанная со смертью, скорбь, когда вы ожидаете чего-либо, и ваши надежды не оправдываются, скорбь национальных бедствий, скорбь от разложения и упадка не только в обществе, но и в отдельном индивидууме. Если вы достаточно глубоко заглянете, вы увидите скорбь в вашем доме: скорбь от того, что вы не можете осуществить желаемое, скорбь, вызванная вашей незначительностью или неспособностью, и различные виды бессознательной скорби.

В жизни есть также смех. Смех очарователен — смеяться без повода, радоваться сердцем без какой-либо причины, любить без поисков вознаграждения. Но такой смех редко приходит к нам. Нас обременяет скорбь: наша жизнь — процесс несчастий и борьбы, непрерывный распад, и мы почти никогда не любим всем своим существом.

Этот печальный процесс мы можем встретить на каждой улице, в каждом доме, в каждом человеческом сердце. Везде несчастья, преходящие радости и постепенное угасание ума, и мы все время ищем выхода. Мы хотим найти решение, средство и метод, который помог бы нам освободиться от бремени страдания, и поэтому мы никогда по-настоящему не смотрим на скорбь. Мы пытаемся уйти от скорби с помощью мифов, теорий, образов, мы надеемся найти путь освобождения от бремени, которое наложила на нас жизнь, мы надеемся, что волна скорби больше нас не догонит.

Я полагаю, что всем известно все это. Я не сообщаю каких-то новых сведений о скорби. Было бы абсурдным, если бы сейчас, слушая меня, вы вдруг попытались бы почувствовать скорбь или наоборот — быть безоблачно веселым, в этом не было бы никакого смысла. Но если вы хоть сколько-нибудь осознаете поверхностность, мелочность, узость нашей жизни, если вы понаблюдаете за бесконечными конфликтами, неудачами, усилиями, не приносящими ничего кроме разочарований, то вы неизбежно должны испытать скорбь. Вы не можете не знать скорби на каком-нибудь уровне — поверхностном или глубоком. Скорбь следует за нами как тень, и мы не можем от нее избавиться. Поэтому я хотел бы, если возможно, говорить с вами о том, как кончается скорбь.

Скорбь имеет конец, но он не достижим с помощью какой-либо системы или метода. Нет

скорби, когда имеется осознание того, что есть — пусть это будет факт, что жизнь не осуществила ваших надежд, что ваш брат или сестра мертвы, когда вы знаете факт таким, каков он действительно есть, без интерпретации, без каких-либо мнений о нем, без какой-либо деятельности мысли, без идеалов и суждений — тогда, я полагаю, наступает конец скорби. Однако большинство из нас безуспешно пытается покончить со скорбью с помощью воли, порожденной страхом и недовольством, воли, стремящейся к удовлетворению желания.

Я прошу вас не ограничиваться простым выслушиванием того, что я говорю, но осознавать самих себя, смотрите на свою жизнь, как будто ваше лицо отражено в зеркале. В зеркале вы видите то, что есть — ваше лицо без искажения. Точно также я прошу посмотреть на самих себя, без удовольствия или неудовольствия, без принятия или отрицания того, что вы видите. Просто посмотрите на себя, и вы увидите, что в вашей жизни господствует воля, порожденная страхом. Страх, воля, скорбь неразрывно связаны, их невозможно отделить друг от друга. «Волей» я называю решимость быть чем-то, решимость, направленную к достижению и становлению, решимость, которая отрицает или принимает.

Воля — результат противоречия желаний. Что мы называем скорбью? Вы видите ребенка со здоровым телом и милым лицом, с лучающимися глазами и счастливой улыбкой. Когда этот ребенок подрастает, его пропускают через машину так называемого воспитания. Его приводят в соответствие со стандартами данного общества и уничтожают при этом радость, наслаждение жизнью. Печально видеть, как это происходит, не правда ли? Печально потерять человека, которого вы любите. Печально понять, что вы отвечали на все вызовы жизни так посредственно. А разве не печально, когда любовь кончается в маленькой заводи огромной реки жизни? Печально также, когда вами движет стремление к успеху, и вы достигаете успеха только для того, чтобы разочароваться в нем. Печально понять, каким незначительным является ум — но не чей-нибудь, а именно ваш. Хотя ум может приобрести большое значение, быть очень умным, хитрым, эрудированным, он все же остается крайне поверхностен и пуст, и осознание этого приносит с собой печаль и скорбь.

Но есть еще значительно более глубокая скорбь, которая приходит, когда вы осознаете свое одиночество, изолированность. Вы можете быть среди людей, в толпе, на званом вечере, вы можете разговаривать со своей женой или мужем, но внезапно вы почувствуете неизмеримое одиночество, появляется чувство полной изолированности, несущее с собой скорбь. Имеется также скорбь, связанная с болезнью.

Большинство из нас хочет избежать скорби. Мы не хотим понять скорбь, мы не хотим посмотреть на скорбь, мы не говорим: «Каково значение скорби?» Нас интересует только, как убежать от скорби. Это бегство не является неестественным, это инстинктивное движение желания, но мы считаем его неизбежным, и поэтому бегство от скорби становится для нас гораздо более важным, чем сам факт скорби. Убегая от скорби, мы улавливаемся мифами, символами, поэтому никогда не пытаемся исследовать, возможен ли конец скорби.

В конце концов жизнь ставит перед нами все новые и новые проблемы. Ежеминутно от жизни исходят вызовы, требования, и если ответ неадекватен, неадекватность ответа вызывает горечь и разочарования. Именно поэтому для большинства из нас стали так важны разные формы бегства.

Если я не могу разрешить свои проблемы здесь, на Земле, что же, я всегда могу надеяться на загробную жизнь. Если я не могу покончить со скорбью, я попытаюсь забыть ее в развлечениях, если мой ум несколько серьезнее, я обращаюсь к книгам, к приобретению знаний. Мы убегаем от скорби также с помощью переедания, непрерывной болтовни, ссор или погружаясь в глубокую меланхолию.

Это все разные способы, как убежать от скорби; они становятся для нас чрезвычайно

важными, и мы даже боремся друг с другом из-за некоторых из них — ваша религия и моя религия, ваша идеология и моя идеология, ваш ритуализм и мой ритуализм.

Я прошу вас понаблюдать за собой, а не быть загипнотизированным моими словами. В конечном счете то, что я говорю — это не абстрактная теория, это ваша ежедневная жизнь. Я описываю ее, но я прошу вас не ограничиваться выслушиванием моего описания. Через это описание осознайте себя сами, и вы увидите, что ваша жизнь уловлена различными способами бегства. Поэтому так важно посмотреть на факт, исследовать, понять, глубоко проникнуть в то, что есть, ибо то, что есть — это вне времени, вне будущего. То, что есть — вечно. То, что есть — это жизнь, то, что есть — это смерть, то, что есть — это любовь, без успехов и разочарований. Все эти факты — истинная реальность. Но уму, вскормленному, воспитанному на различных дорогах бегства, необычайно трудно посмотреть на то, что есть, поэтому такой ум посвящает годы изучению символов и мифов, о которых написано столько толстых книг, или погрязает в ритуале, в применении какого-либо метода, системы, дисциплины.

Важно наблюдать факт, а не цепляться за различные мнения об этом факте, не говорить только о символе, репрезентирующем факт. Понятно ли вам это? Символ — это слово. Возьмите смерть. Слово «смерть» — символ, используемый для того, чтобы передать все, связанное с данным фактом: страх, скорбь, необычайное чувство одиночества, пустота, умаленность, изолированность, глубокое и непроходящее разочарование. Все мы знаем слово «смерть», но лишь немногие из нас видят все, что связано с фактом смерти. Мы почти никогда не смотрим в лицо смерти и не понимаем необычайных вещей, связанных с нею. Мы предпочитаем убежать от факта с помощью веры в загробную жизнь, или же мы цепляемся за теорию перевоплощения душ. У нас есть эти успокоительные объяснения, целая груда идей, убеждений и отрицаний, множество связанных с ними символов и мифов. Я прошу вас понаблюдать за собою. Таковы факты.

Так же, как любовь невозможно культивировать, невозможно приобрести с помощью дисциплины, скорбь нельзя уничтожить с помощью бегства, с помощью церемоний и символов, с помощью благотворительной общественной деятельности, с помощью национализма или другим отвратительным способом из числа изобретенных людьми для этой цели. Скорбь нужно понять, а понимание не от времени. Понимание приходит вместе со взрывом, с восстанием, с колоссальным всеохватывающим недовольством. Но ведь мы ищем легкого пути, чтобы заглушить наше недовольство. Мы занимаемся общественной деятельностью, загружаем себя работой, идем в храм, поклоняемся созданным нами идолам, цепляемся за какую-нибудь систему или верование — все это, без сомнения, только убежание, и все это нужно нам, чтобы не смотреть в лицо фактам. Просто смотреть на то, что есть. Это никогда не вызывает скорби. Скорбь никогда не возникает просто от того, что вы видите свое тщеславие. Но в тот момент, когда вы хотите изменить ваше тщеславие во что-то другое, в этот момент начинается борьба, тревога, бедствие, которое в конечном счете приводит к скорби.

Когда вы любите что-либо, только тогда вы действительно внимательны, но как редко вы смотрите глазами любви на все то, что нас окружает. Для того, чтобы осознать значение смерти, нужен своего рода взрыв, который молниеносно сжигает все символы, идеалы, успокоительные верования, и тогда вы смотрите на смерть с полным и всеохватывающим вниманием. Это очень печальный факт, но вы, вероятно, никогда не смотрели на что-либо с полным вниманием, не правда ли? Смотрели ли вы на вашего ребенка с полным вниманием, всем своим существом, т.е. без предубеждения, без одобрения или осуждения, не говоря и не чувствуя: «Это мой ребенок»? — если вы можете это сделать, вы откроете необычайную значимость и красоту ребенка. Тогда больше не будет разделения — вы и ваш ребенок, но не будет и искусственного отождествления с ребенком. Когда вы смотрите на что-либо с полным вниманием, нет места

отождествлению, потому что нет места разделению.

Точно также — можете ли вы смотреть на смерть с полным вниманием? Это значит — посмотреть без страха, всем своим существом, и вы увидите, что смерть имеет совсем другое значение. Именно страх заставляет вас спрашивать, что будет после смерти, и страх находит свой ответ в веровании, что после смерти имеется или не имеется продолженность существования. Но когда вы смотрите с полным вниманием на то, что называется смертью, у вас нет печали. В конечном счете, что я чувствую, когда мой сын умер? Я растерян. Он ушел и никогда не вернется. Я чувствую пустоту, одиночество. Он был мой сын, в существование его я вложил все свои надежды на бессмертие, на увековечивание своего «Я», а теперь эти надежды на продолженность существования разбиты, и я чувствую себя совершенно несчастным. Поэтому я так ненавижу смерть, это ужасная вещь, от которой нужно как-то отгородиться, потому что она раскрывает мне, что я собой представляю. Я отгораживаюсь от смерти через верования, через различные формы убегания, поэтому страх продолжается, а от страха рождается скорбь.

Итак, скорбь не кончается через какое-либо действие воли. Как я уже говорил, скорбь может окончиться только тогда, когда вы порвете со всем, что ум изобрел для того, чтобы убежать от скорби. Вы полностью оставляете все символы, мифы, идеи, верования, потому что вы действительно хотите видеть, что такое смерть, действительно хотите понять, что такое скорбь — для вас это жгучий вопрос, вы стремитесь к осознанию всем своим существом. Что же тогда происходит? Вы находитесь в состоянии интенсивного осознания, вы не принимаете и не отрицаете, потому что вы не пытаетесь убежать. Вы встречаете факт таким, каков он есть. И когда вы таким образом встречаете факт смерти, факт скорби, когда вы таким образом встречаете все, что случается с вами в каждый момент, вы обнаруживаете, что происходит взрыв, не рожденный постепенностью, медленным движением времени. Тогда смерть приобретает совершенно другое значение.

Смерть — это неизвестное, также как скорбь. Вы не знаете в действительности скорби, вы не знаете ее глубины, ее необыкновенной жизненной силы. Вы знаете только реакцию на смерть, но не действие смерти помимо обусловленных реакций, вы не знаете — отвратительна смерть или прекрасна. Познать подлинную природу, глубину, красоту и привлекательность смерти и скорби, означает конец смерти и скорби.

Наш ум механически функционирует в сфере известного, и через известное мы пытаемся подойти к неизвестному — к смерти и скорби. Но может ли произойти взрыв, после которого известное больше не будет искажать действительность ума? Вы не можете избавиться от известного. Это было бы глупо, неразумно, это никуда бы вас не привело. Важно только не позволять, чтобы деятельность ума искажалась известным. Но этого неискажения нельзя добиться с помощью решимости, с помощью какого-либо действия воли. Это неискажение приходит, когда вы видите факт таким, каков он есть, а вы можете видеть факт таким, как он есть — факт смерти, факт скорби — только тогда, когда вы уделяете ему все свое внимание. Полнота внимания не есть концентрация, это состояние полного осознания, в котором нет исключения.

Как фрагментарно мы знакомы с этим необыкновенным явлением, называемым жизнью, мы никогда не смотрим на скорбь иначе, чем через завесу убегания от скорби, мы никогда не видели красоту и необъятность смерти, и мы познаем смерть только через страх и печаль. Понимание жизни, понимание значения и красоты смерти возможно только тогда, когда ум мгновенно осознает то, что есть.

Хотя мы их отличаем друг от друга, но по существу любовь, смерть, скорбь — это одно и то же, потому что, воистину, любовь, смерть, скорбь непознаваемы. В тот момент, когда вы говорите, что познали любовь, вы больше не любите. Любовь вне времени, у нее нет начала и

конца, а у знания есть. Вы знаете только ощущение, стимул. Вы знаете только реакцию на любовь, но эта реакция не есть любовь. Точно также вы не знаете, что такое смерть. Вы знаете только реакцию на смерть, и вы откроете всю глубину и значение смерти, только когда реакции прекратятся.

Я прошу вас слушать то, что я говорю, не как простую лекцию, а как нечто жизненное для каждого человека на любой ступеньке общества. Эта проблема, непосредственно затрагивающая каждого из нас, и мы должны знать ее так же, как проблему голода, проблему секса, так же, как мы познаем благословение счастья, посмотрев на вершины деревьев или на открытое небо. Это благословение приходит, только когда ум находится в состоянии деятельности без реакций.

Знать смерть — благословение, потому что смерть — неизвестное. Если вы не понимаете смерти, вы можете потратить всю жизнь в поисках неизвестного и не найти его. То же самое с любовью, которой вы не знаете. Вы не знаете, что такое любовь, вы не знаете, что такое истина. Любовь не может быть целью поисков, также как и истина. Когда вы ищете истину, это всего лишь реакция, бегство от факта. Истина в том, что есть, а не реакция на то, что есть.

Я хотел бы, с вашего позволения, исследовать, что такое религиозный ум, религиозный дух, и проникнуть в эту проблему так глубоко, как мы только сможем. Это сложная проблема, как и все проблемы человеческого существования, и я полагаю, что мы должны подходить к ней очень просто, с чувством глубокого смирения, потому что глубокое исследование такой проблемы требует ясного ума, не обремененного грузом окаменевших и навязчивых знаний, и тогда, быть может, вы откроете что-либо оригинальное, новое, что-либо, не сказанное ранее авторитетами, не принятое вами на веру под давлением ваших потребностей и вашего принуждения.

Проблема, о которой идет речь, нелегкая, и поэтому, прежде всего, необходимо забыть на время все, что вы знаете о ней, все приобретенные вами традиции и воспоминания, чтобы самому попытаться открыть, что такое религиозный ум.

Наша жизнь не становится все легче и проще, как раз наоборот. Давление на человеческую личность становится почти непереносимым; с увеличением этого давления, с усилением влияний и бесконечных требований к человеку со стороны современного мира усиливается зависть, ненависть и отчаяние. Ненависть распространяется все шире, а отчаяние — не просто проблема молодого человека, который не может найти работу, это только часть, только поверхностное выражение проблемы отчаяния. Отчаяние — не просто чувство, которое вы испытываете после смерти близкого человека или когда вы хотите, чтобы вас любили и не получаете любви. Отчаяние, без сомнения, нечто более значительное, глубокое. Для того, чтобы найти путь из отчаяния, для того, чтобы выйти за пределы ненависти, а также за пределы надежды (ведь надежда, улавливающая всех нас, всего лишь противоположность отчаяния), мне кажется, мы должны исследовать вопрос о том, что же в действительности представляет собой религиозный ум, религиозный дух.

При правильном исследовании не может быть простого принятия или отрицания. Большинство из нас всегда говорит либо «да», либо «нет». Наш ответ на трудности жизни зачастую является установкой на принятие, «да», сказанным жизни. Но жизнь слишком сложна, слишком необъятна, чтобы простое «да» оказалось удовлетворительным. Те, кто говорят «да», следуют традиции со всей ее мелочностью, узостью, жестокостью, они удовлетворены так называемым прогрессом, внешней эффективностью, они принимают вещи такими, как они есть, и плывут по течению, не желая, чтобы их слишком беспокоили. Те, кто говорит «нет», — это люди, отвергающие мир, следуя путем отрицания, они убегают от мира в религиозный символизм, в фантастические мифы разных видов. Они становятся монахами, санниази или вступают в одну из религиозных организаций. Какая у вас жизненная установка, к какой категории принадлежит каждый из вас?

Есть святые и есть политики. Политики — это люди, говорящие «да», они принимают непосредственную данность вещей, их ответ на эту непосредственную данность поверхностен. Наоборот, святые — это люди, говорящие «нет». Они чувствуют, что мир недостаточно хорош, что должен быть более глубокий ответ, поэтому они уходят из мира, отрицают его. Мне кажется, большинство из нас не отрицает и не принимает жизни очень глубоко, удовлетворяясь словесными «да» или словесными «нет».

Если мы действительно хотим исследовать, что такое религия, я думаю, мы должны начать с внутренней ясности, говорим мы миру «да» или «нет». Нет, сказанное миру, часто бывает только интеллектуальным, человек восстал против мира, не исследовав действительно глубоко

дух религии. Интеллектуально вы порываете со всем, пока ничего не останется так же, как ничего не останется от цветка, если вы оторвете его от стебля и бросите у дороги; и ваши надежды, в конце концов, принуждают вас принять какую-либо форму религиозных верований.

Многие из нас не слишком интеллектуальны или агрессивны, нас удовлетворяет легкая, посредственная жизнь и прогресс, процветание, умножение принадлежащих нам вещей только превращает нас в рабов в еще большей степени. Совершенно очевидно, что мы быстро становимся рабами машин, рабами вещей, и не нужно быть очень глубоким наблюдателем, чтобы увидеть, как наш поверхностный ум удовлетворен своим рабским состоянием.

По мере того, как ум все больше превращается в раба, зона свободы, естественно, все сужается. Если вам недодают принадлежащие вам вещи, вы жаждете новых вещей, или действия или власти. Если вы не можете достичь этих целей, вы чувствуете разочарование, впадаете в отчаяние и спасаетесь бегством с помощью религиозных верований, с помощью церкви, храма, символики, ритуалов и т.п. Если мы не ищем выхода в религии, в нас накапливается гнев против мира — а гнев порождает свое собственное действие. Гнев очень легко переходит в действие, не правда ли? Когда вы восстаете, движимые гневом, гнев дает вам энергию, а энергия пробуждает ваши способности. Все это считается чем-то новым и оригинальным. Но гнев, цинизм, горечь и отчаяние — эти чувства, безусловно, не нужны для подлинного понимания наших жизненных проблем. Мы не знаем, что такое действительно хорошая жизнь, мы не знаем, каков смысл нашего повседневного существования, этого необычайного процесса, состоящего из несчастий и борьбы, мелочного и уродливого, полного клеветы и жадности, в чем смысл этой борьбы, не прекращающейся до самой смерти. Поэтому мы изобретаем цель, конечный результат, к которому мы стремимся, является ли эта цель немедленно достижимой или она спроецирована вдаль, как например, Бог, в любом случае она продукт ума, фактически находящегося в отчаянии, в несчастии и хаосе. Это становится совершенно очевидным как только вы начинаете думать ясно и объективно, а не просто оценивать, что вы можете получить от жизни для себя.

Вопрос о том, существует ли подлинная реальность, существует ли Бог, существует ли нечто постоянное, оригинальное, новое — этот вопрос возник не здесь и не сейчас. Ответа на него люди искали столетиями. 35000 лет назад на стенах пещеры в Северной Африке люди изобразили борьбу добра и зла; в этих рисунках зло всегда побеждало. Мы все еще ищем ответа на этот вопрос, но это должен быть не глупый ответ школьника, ответ незрелого ума, рассчитанный на удовлетворение наших потребностей — нам нужен действительно истинный ответ, всеохватывающий ответ на всеохватывающий вопрос. Я полагаю, что мы не задаем полного, всеохватывающего вопроса, именно в этом заключается трудность. Только когда мы в отчаянии, мы ищем, спрашиваем, надеемся. Но когда в нас кипит энергия, когда мы захвачены потоком жизни, наши требования не являются полными, мы говорим: «Оставьте меня в покое, я хочу самореализации».

Полнота требования возникает только в полной уединенности. Когда вы исследовали все вокруг себя, когда вас больше не привлекают религиозные системы с их символами и несуразностями, с их организованным догматизмом, когда вас больше не удерживают объяснения, слова, книги, все, что может изобрести интеллект, когда вы отвергли все это, но не потому, что вы ищете удовлетворения своих желаний и не можете его найти — только тогда вы действительно уединены. Незрелый ум принимает или отвергает исходя из удовлетворенности или неудовлетворенности. Но когда вы сомневаетесь, когда вы задаете вопросы и не получаете ответ ниоткуда, кроме как из традиции, обусловленности, когда вы глубоко и полностью отвергли все это, что вы и должны сделать — только тогда вы уединены, потому что ни на что больше не можете положиться, и эта уединенность подобна цветку, растущему в пустыне.

Но это чрезвычайно трудно, это тяжелая работа, а вы не любите тяжелой работы. Вы

предпочитаете легкое ленивое существование: зарабатывать себе на жизнь, принимать то, что приходит к вам, и просто плыть по течению. Или же, если вы не делаете этого, вы принимаете какую-либо форму принуждения, дисциплины. Вы встаете каждое утро в 4 часа утра, чтобы заниматься медитацией, медитацией же вы называете принуждения себя к концентрированности с тем, чтобы привести ваш ум в соответствие с определенным образцом. Вы неустанно, день за днем тренируетесь и считаете, что это тяжелая работа. Но мне кажется, что это детский подход к работе, что так не должен работать зрелый ум. Тяжелой работой я называю нечто совершенно другое. Тяжелая работа — исследовать каждую свою мысль и чувство, каждое верование, не поддаваясь предубеждениям, не защищаясь от страха щитом идеи, вывода, объяснения. Для всего этого нужна тяжелая работа мысли, и мысль должна быть совершенно ясной, это и есть истинная работа. Мы предпочитаем добиваться чувственных удовольствий.

Вы называете религиозным человека, каждый день посещающего храм, мечеть, церковь. Или вы говорите, что люди, поклоняющиеся учителям, святым, гуру, очень религиозны. Но это, без сомнения не религиозные люди, это испуганные люди. Они из категории говорящих «да», они не знают и не исследуют, чтобы знать, они не в состоянии это делать, потому что эти люди полагаются на что-то внешнее, на образ, изготовленный рукой или умом. Если вы видите все это, если вы осознаете несчастья, жестокость, невыразимую грязь вне и внутри вас, если вы хотите найти здоровый и разумный путь из этой неразберихи, вы должны исследовать, что такое религиозный ум.

Как происходит исследование? Существует ли состояние исследования, когда имеется положительный подход, или только при отрицательном подходе? Каков путь исследования? Как мы начинаем исследовать? Положительным подходом я называю рассмотрение проблемы с желанием найти ответ. Когда я потерпел неудачу, когда я в отчаянии ищу ответа, у моего исследования есть мотив, не правда ли? Мои поиски — результат желания найти выход, и я найду выход, но он окажется крайне поверхностным и пустым, я буду полагаться на какой-либо авторитет либо следовать какой-либо системе, и завтра это снова доведет меня до отчаяния. Будучи несчастным, жалким, полным скорби, в состоянии непрерывного конфликта, я пытаюсь спастись бегством от всего этого, так возникает мотив, порождающий положительное действие. Такое положительное действие представляет собой поиски с жадной жаждой ответа, оно очень ограничено, оно не отворит вам двери в рай.

Я прошу вас понять это, ибо иначе вы не сумеете сами открыть, что такое религиозный ум, и в чем его красота.

Вы никогда не сможете этого открыть с помощью положительного действия, которое имеет мотив, которое связано с принуждением, порожденным желанием. Это неправильный подход. Если вы сами увидите, поймете то, о чем я говорю, вы сможете найти другой выход, не являющийся реакцией, не являющийся противоположностью положительного. Я надеюсь, что вам ясно то, о чем я говорю.

Если ум увидит этот положительный подход таким, каков он действительно есть, т.е. убедится в его ложности, тогда отрицательный подход не будет простой реакцией на положительный подход. Я желаю найти истину, а не то, что я хотел бы принять за истину, поэтому я не вношу своей личности в поиски истины, я отбрасываю свои верования, умозаключения, свои желания убежать от невыносимых несчастий. Я хочу самостоятельно открыть, в чем смысл существования, не приводя этого открытия в соответствие со своими удовольствиями, фантазиями, традициями, которые неразумны, глупы, обусловлены моим прошлым опытом. Я хочу открыть истину, какой бы она ни была.

Наблюдали вы когда-нибудь по настоящему за явлениями жизни? У жизни нет начала и

конца, в начале содержится конец. Для того, кто ищет ответа, жизнь очень ограничена. Для него существует вчера, сегодня и завтра, и он пытается думать о жизни в этих терминах.

Но жизнь не отвечает ему в этих терминах. Жизнь бесконечна, и поэтому в жизни нет смерти. Смерть имеется только когда мы спрашиваем: «Что будет с моим «Я». «Я» — это существо, думающее о жизни в терминах «вчера», «сегодня», «завтра». Ваше «Я» находится в состоянии несчастья, вы хотите найти состояние спасения, где вас не будут беспокоить, вы хотите спокойно и вечно сидеть в персональной отвратительной заводи, в стороне от течения жизни. Это ум отделяет жизнь от смерти, борется и создает проблемы.

Отрицательный подход к проблеме религиозного духа не является реакцией на положительный подход. Реакция на положительный подход — это просто то же самое в другой форме. Изменения в пределах поля обусловленности — это вообще не изменения. Отрицательный подход — нечто совершенно иное, только через отрицательный подход ум действительно может исследовать и делать открытия.

Я надеюсь, что сейчас, когда я говорю, вы сами осознаете как свой непосредственный опыт истину — т.е. ложность положительного подхода. Так же, как у вас есть ежедневный опыт голода, жажда секса, потребность власти, престижа, привилегированного положения и т.п., вы непрерывно накапливаете опыт положительного подхода, независимо от того, проходит этот опыт через ваше сознание или нет. Но если вы ясно видите истину положительного подхода, если вы действительно осознаете его ложность, осознаете ограниченность, мелочность ума, требующего ответа для своего удовлетворения, тогда ваш ум действительно находится в творческом состоянии отрицания, такой ум может исследовать и делать открытия.

Я надеюсь, что вы не просто ограничиваетесь простым выслушиванием объяснений, потому что слово — не то же самое, что обозначаемая им вещь, а просто символ, символ же никогда не является реальностью. Человек, удовлетворенный символом, живет в пустыне, среди пепла реальной жизни.

Итак, я исхожу из того, что ваш ум подготовлен к исследованию. Перед нами стоит вопрос: что такое религиозный ум? Вы делаете во имя религии многое такое, что совсем не относится к религии. Когда вы увидите эту истину, этому наступает конец, ложное отходит прочь. Что же такое религиозный дух? Без сомнения, религиозный дух — это своего рода взрыв, в котором исчезает, полностью уничтожается всякая привязанность.

Имеется только привязанность, нет такой вещи, как отречение от привязанности. Ум изобретает отречение как реакцию на боль привязанности. Когда вы реагируете на привязанность, вы становитесь привязаны к чему-либо еще. Таким образом, весь этот процесс является процессом привязанности. Вы привязаны к своей жене, мужу, к детям, традициям, авторитетам и т.п., вашей реакцией на эту привязанность является отречение. Культивация отречения — результат скорби и боли. Вы хотите убежать от боли привязанности, и вы убегаете, пытаясь найти что-то, к чему, как вы думаете, вы не можете привязаться. Во всем этом процессе есть только привязанность. Культивация отречения — занятие глупого ума. Все священные книги говорят: «Отрекитесь от привязанности», но какова же истина? Если вы понаблюдаете за своим умом, вы увидите необыкновенную вещь: культивируя отречения, ваш ум становится привязанным к чему-либо еще.

Религиозный дух — это взрыв, уничтожающий всякую привязанность, ум перестает быть привязанным к чему-либо. Такова, без сомнения, природа любви. Любовь несовместима с привязанностью. Желание ведет к привязанности, память ведет к привязанности, ощущение — это бездна привязанности, но если вы понаблюдаете, вы увидите, что в любви — все равно, к одному или ко многим, — нет привязанности. Привязанность предполагает прошлое, настоящее и будущее. У любви нет прошлого, настоящего или будущего. Только память ограничена

временем — память того, что вы называете любовью.

Итак, ум исследующий, проникающий в то, что называется религией — это ум в состоянии всеохватывающего восстания. Вы знаете, что довольно легко восстать против чего-нибудь одного — против бедности, против вашей семьи, против традиций, против данной религиозной системы. Когда мы восстаем против определенной религии, мы обычно присоединяемся к какой-либо другой религии, мы восстаем против индуизма и присоединяемся к христианству или буддизму и т.п. Такое восстание является простой реакцией, это не полная революция, не всеохватывающее преобразование.

Ограничиваетесь ли вы тем, что просто слушаете меня, или также наблюдаете за своим умом? Мои слова — простое отражение ваших собственных мыслей, осознанных вами или остающихся бессознательными. Я описываю состояние вашего ума, и если вы только слушаете мои слова и не наблюдаете своего ума, вы по-прежнему остаетесь в скорби и смятении. Восстание, о котором я говорю, направлено против всех форм привязанности, но не как реакция. Вы видите истину, что ваша привязанность к определенным интеллектуальным объяснениям привела вас в бесплодную пустыню. В вашей жизни различные мелкие взрывы или реакции оставили следы в вашем уме, и вы привязаны к этим следам. Ум с такими следами утратил гибкость, окаменел. Такое окаменение, в сущности, представляет привязанность к тому, что вы делали прежде, к памяти вашего опыта. Всеохватывающая революция, о которой я говорю — это полное осознание истинного характера привязанности, это само состояние взрыва.

Быть может, все это довольно трудно понять большинству из нас, потому что мы привыкли думать о революции в терминах изменения от одной формы обусловливания к другой. Сегодня я один, а завтра хочу стать другим (я заранее знаю, кем хочу стать). Видя бедность при капитализме, я говорю, что ответ — это коммунизм, потому что должна произойти революция. Но всякая такая революция, без сомнения, является частичной революцией. Большинство так называемых интеллигентных людей с их живым, спокойным умом играют в интеллектуальные игры с десятком различных систем. Поиграв со всем этим, их ум оказывается бессмысленно загроможденным, окаменевшим, и когда такой ум спрашивает: «Что есть истина?», «Что есть Бог?», эти вопросы лишаются смысла. Единственное, что имеет смысл — разбить все эти пути, уничтожить их полностью без какого-либо мотива, без какой-либо потребности или принуждения. Такой взрыв, в котором нет места для личного удовлетворения или для каких-либо систем, — это единственная подлинная революция. Когда ваш ум будет в этом состоянии взрыва, вы обнаружите необыкновенные силы творчества — не только творчества, которое выражается в поэме или скульптуре, или в картине живописца, а в творчестве, которое всегда связано с состоянием отрицания.

Я боюсь, что все это становится для вас чистой теорией. Теория, умозаключение или жизнь среди слов, произнесенных другим человеком, — все это имеет очень мало значения. Но ум, который действительно вступил на тропу исследования, ум, начавший путешествие, из которого нет возврата, ум, занятый исследованием не только сейчас, во время сегодняшней беседы, но изо дня в день — такой ум откроет состояние творчества, охватывающее все существование. Это и есть то, что вы называете истиной или Богом. Для этого творчества необходима полная уединенность — уединенность без привязанности, уединенность, спутником которой не должны быть слова, мысли, память. Это полное отрицание всего, что ум изобрел для своей безопасности. У этой полной уединенности нет страха, но есть своя собственная необычайная красота, это состояние любви, а не уединенность реакции, это полное отрицание, не являющееся противоположностью положительного. Я полагаю, что только в этом состоянии творчества ум является подлинно религиозным. Такой ум больше не нуждается в медитации, он сам есть вечность. Такой ум больше не ищет, не потому, что он нашел удовлетворение своих

потребностей, он больше не ищет, потому что больше не нуждается в поисках. Такой ум является цельным, всеохватывающим, он безграничен, неизмерим, невыразим словами.

Беседа восьмая

САМОПОЗНАНИЕ

Большинство из нас, какое бы место в жизни мы не занимали, находится в величайшем смятении, если же мы не испытываем этого смятения, то, по крайней мере, должны испытывать, потому что давление различных мировых событий и неконтролируемых исторических процессов, происходящих вокруг нас, толкает нас в узкую колею, где зона свободы становится все меньше и меньше. Поскольку каждый из нас ищет выхода из этого смятения, хаоса и несчастий, мы присоединяемся к различным политическим и религиозным движениям. Мы следуем за их вождями и надеемся найти решение многочисленных проблем, обременяющих нашу жизнь. Мы находимся в смятении, и поэтому мы пытаемся найти кого-либо, кто вывел бы нас из этого смятения и несчастий. Мне кажется, что мы лишь с большой неохотой обращаемся к самим себе с тем, чтобы непосредственно исследовать проблему. Нам нужен кто-то, кто даст нам готовое решение, нам нужна система, философия, гуру, вождь, который разрешит наши проблемы и приведет к внутреннему миру и спокойствию. Но это невозможно: вы сами должны решить ваши проблемы. С вашего позволения, я хотел бы побеседовать с вами именно об этом процессе самопознания, обращения к самому себе.

Мы знаем, что ученые разрешили множество проблем, и они могут удовлетворить все потребности людей. Если бы ученые и политические деятели договорились, они могли бы разрешить также проблему голода, проблему пищи, одежды и крова для всех и прекратить уничтожение человека человеком. Они могли бы это сделать, но они не сделают этого до тех пор, пока основой их мышления остается национализм, мотивы собственной личной выгоды. И даже если бы был осуществлен этот далеко идущий внешний переворот, мне кажется, что проблема лежит значительно глубже. Это не просто проблема голода, войн, жестокости в отношениях между людьми, это кризис нашего сознания. В сущности эта проблема внутри нас. Однако, как бы мы ни были настойчивы и способны, большинство из нас не имеет желания очень глубоко познать самих себя. Мы хотим изменить, переделать мир, но подлинная революция, подлинное изменение должны произойти не столько вне, сколько внутри нас. Для нас познавать себя чрезвычайно трудно, и мы пытаемся убежать от этой задачи на путях интеллекта или чувства преданности чему-либо во вне.

На путях интеллекта мы создаем паутину теорий, мы улавливаемся словами, идеями. Замечали ли вы, с каким нетерпением мы начинаем обсуждать теории, как быстро мы можем заблудиться в лабиринте слов? Когда мы играем в эту игру, мы считаем себя чрезвычайно интеллигентными, но какое все это имеет значение? Это же пустой вербализм. На путях чувств, эмоций мы цепляемся за какую-нибудь систему верования либо переходим к преданности идее или вождю. Во всем этом есть определенное удовлетворение, временное облегчение нашей проблемы. Но раньше или позже мы замечаем, что наше положение по существу не изменилось, что перед нами все те же нерешенные проблемы.

Все эти уловки нашего «Я» так бесполезны, они совершенно не решают наших проблем. Только незрелый ум, не знающий, что такое любовь, не вдыхающий глубоко аромат скорби, — только такой ум убегает к этим тривиальностям, представляющим собой пустые забавы ума. Вы находите гуру, идете в храм, преклоняетесь перед образом, и это дает вам временное облегчение. К несчастью, вас очень легко удовлетворяют эти временные меры, и вы пытаетесь превратить их в постоянные, развивая у себя привычку преданности, привычку следования за гуру, за политическим вождем или каким-либо другим авторитетом. Следует ли вы за авторитетом в

политике или религии: это всегда, без сомнения, есть зло, потому что следовать за кем-либо значит желать безопасности, а ум, ищущий безопасности, отрицает непостоянство жизни. Жизнь, очевидно, является непостоянной. Нет в мире ничего постоянного, кроме привычки нашего мышления, наших идей. Мы уловлены этими привычками, и если мы разрушаем одну привычку, то немедленно создается другая, также стремящаяся к постоянству. Мне кажется, что мы всегда избегаем центральной проблемы, которая есть мы сами.

Говоря «мы сами», я имею в виду не только то эгоцентрическое существо, которое более или менее осознается нами ежедневно, но то существо, которое является продуктом общества, продуктом данной культуры или цивилизации, климата и традиций. Если не произойдет глубокого преобразования, я не вижу, как мы выйдем из этого хаоса. Я говорю об индивидууме, не противопоставляющем себя обществу. В настоящее время наше действие истекает не из индивидуального, а из коллективного мышления. Это коллективное мышление, будет ли оно капиталистическим, фашистским и т.п. — отрицает индивидуальность, а все творчество в жизни, всякое понимание — продукт индивидуума, а не массы. В действительности масса не существует, кроме как в мышлении, в идеях, рабами которых мы являемся.

Для того, чтобы понять весь этот процесс существования, индивидууму необходимо освободиться от влияния массы, от влияния традиций, от влияния коллективного мышления, и нет другого средства, нет другого пути, чтобы открыть двери жизни. Общество — то же самое, что и вы. Общество не отличается от вас. Хотя у вас может быть свое отличительное имя, счет в банке и т.д., вы являетесь частью общества, вы не отличимы от общества. Когда вы говорите, что вы индивидуалист, индуист, коммунист и т.п., это значит, что вы являетесь частью определенной культуры, определенного общества, благодаря которому у вас сложился определенный образ жизни, мыслей.

Итак, вы раб различных влияний, и поэтому, безусловно, необходимо понять эти влияния, это давление на вас, если вы хотите понять себя, ибо вы представляете собой продукт этих влияний.

Вы продукт не только ваших отца и матери, но тысячи вчерашних дней, тысячи поколений, вы продукт всего человечества. Если вы понимаете это, жизнь становится необыкновенно скучной, бесконечной борьбой без особого значения, и возникает философия отчаяния или же философия удовлетворенности вещами такими, какие они есть, что представляет собой простое принятие существования. Все это кажется совершенно очевидным.

Итак, вы должны видеть тот факт, что вы и есть мир, что без перемены в вас самих, без полной революции ума, революции путей вашего мышления вы не можете добиться фундаментальных изменений в мире. В особенности, в такой перенаселенной стране, как Индия, вы должны начать с самих себя. Должна произойти революция в ваших отношениях к людям и вещам окружающего вас мира. Добродетель расцветает в отношениях между людьми, если вы не понимаете, что такое добродетель, все ваши социальные реформы и бесчисленные внешние изменения приведут только к новым несчастьям в крайне поверхностном существовании.

Итак, мне кажется, что очень важно понять самого себя, но вы делаете это чрезвычайно неохотно, говоря: «Что я должен понять о самом себе? Я очень хорошо знаю себя».

Прежде, чем обратиться к этому вопросу, я полагаю, важно понять значение слова «глагол». Глагол, безусловно, предполагает неразрывность движения, активное настоящее, хотя в нем и есть элемент времени, заключающий прошедшее и будущее так же, как и настоящее, глагол предполагает всеохватывающее состояние, не правда ли? «Я был», «я есть» и «я буду» — если вы углубитесь в это, вы найдете здесь всеохватывающее состояние, активное настоящее, являющееся вневременным. Но большинство из нас уловлено в сеть «я был» и «я буду», для нас нет активного настоящего. «Я был» — это память, «я буду» — тоже память, проекция прошлого

через настоящее на будущее. Мы говорим: «Я был разгневан, и я больше не буду гневаться», таким образом, возникает отставание, интервал, превращающийся для нас в средство достижения будущего. Для большинства из нас глагол предполагает не одно, а три отдельных состояния: «Я не буду больше жадным» и отставание между ними, которое представляет собой усилие стать нежадным.

Очень важно понять, что глагол предполагает полное, а не расчлененное действие. Его содержание состоит не только из обертонов, что было и того, что будет, но также из того, что происходит в настоящий момент. Но большинство из нас не осознает того, что действительно происходит в настоящий момент, мы заняты тем, что было, или тем, что будет. Если вы понаблюдаете за своим умом, вы увидите этот факт, сделаете необычайное открытие, что вы никогда не заняты существованием в настоящем, а только существованием в прошлом и становлением будущего. Если мы не осознаем этого факта внимательно, с пониманием и широтой, мы не сможем понять, что такое самопознание. Я полагаю, что именно из-за отсутствия этого понимания большинство из нас становятся такими поверхностными в том, что мы называем самопознанием.

Я собираюсь поиграть немного с содержанием слова «глагол». Я говорю «поиграть», потому что тот, кто не умеет играть, никогда не сделает открытий. Понятно ли это вам? Если вы не способны к смеху, то вы не знаете, что такое скорбь, вы не знаете, что такое быть действительно серьезным. Если вы не умеете улыбаться не просто губами, а всем существом — глазами, — умом и сердцем, — тогда вы не знаете, что такое быть простым и получать радость от всех мелочей жизни.

Без сомнения, глагол так же, как и имя предмета, является действенным. Имя никогда не то же самое, что и вещь. Реальное слово дерево и дерево совершенно не похожи друг на друга. Символ никогда не является фактом действительности, никогда не является истиной, но для большинства из нас символ приобрел гораздо большее значение, чем факт. Мы никогда не смотрим не дерево без слова, а слово разрушает наше осознание дерева.

Я прошу вас быть внимательными. Слово «ворона» — это не живое существо, беспокоящее вас своим криком. Но мы улавливаемся словом, и поэтому никогда не исследуем истины, лежащей за словом. Итак, необходимо отделить слово, имя от вещи, необходимо понять, что глагол значительно сложнее и жизненнее, чем имя по своему содержанию.

Возьмите глагол «любить». Если вы очень внимательно посмотрите на него, вы увидите, что не любите. Все, что вы можете сказать — это: «я любил» или «я должен любить». Вы мыслите в терминах прошлого и того, что должно или может случиться «прежде» или «после». Вы никогда не находитесь в состоянии бытия живого, активного настоящего. У активного настоящего, предполагаемого глаголами, нет ни будущего, ни прошедшего. Мне кажется, что понять это чрезвычайно важно.

Как я уже сказал, большинство из вас никогда не находится в состоянии бытия, мы были или надеемся быть, и время — как процесс становления — представляет очень важный фактор нашей жизни. Но имеется активное настоящее, включающее в себя «то, что было», «то, что есть» и «то, что будет» без разделения; нужно понять это необычайное состояние бытия, это живое, активное настоящее. Существование — это не то, что было или будет, существование — это теперь, включающее в себя время. Очень важно, чтобы вы, слушая то, что я говорю, поняли, если сможете, это состояние бытия, включающее все время, чтобы вы осознали его без усилия, чтобы вы поняли его значение, не говоря себе: «Я должен понять».

Добродетель не от прошлого и не от будущего, это состояние в настоящем, которое должно быть совершенно бессознательным. В тот момент, когда вы почувствуете себя добродетельным, вы больше не добродетельны. Человек, стремящийся культивировать смирение, тщеславен и

глуп, потому что смирение невозможно культивировать. Смирение — это состояние бытия, это не добродетель, которую следует культивировать, что было бы ужасно. Культивируемая добродетель всегда ужасна, ибо, культивируя добродетель, вы перестаете быть добродетельным. Пытаясь приблизиться к идеалу ненасилия, вы полны насилия.

Итак, поняв что такое «глагол», в котором «бытие», «прошедшее» и «будущее» входят в активное настоящее, давайте исследуем природу «Я».

«Я» представляет собой центр мышления, центр, обусловленный опытом, знанием. Так же как двигатель привезшего вас автобуса и любая другая сложная машина является продуктом знания и опыта многих людей. «Я» — есть выражение накопленного опыта, памяти и поэтому по своей сущности оно механистично. Это очень важно понять. «Я» — вовсе не духовная сущность, это чистый продукт привычек, опыта, памяти, влияний, выражение коллективных традиций и т.п. Это процесс мышления, основанный на памяти, знании, опыте, и поэтому механистический. О чем бы ни думало ваше «Я» — о Боге, о машине или о работе, — оно остается в пределах своей ограниченности. Когда вы говорите о своем «Я» — Атмане души, о вечном Боге и т.д., это просто привычка, вы повторяете то, чему вас научили. Коммуниста научили не верить во весь этот религиозный вздор, и он скажет, что нет ни Бога, ни души, это все — чепуха, изобретение капиталистов.

Итак, «Я», наблюдатель, мыслитель, испытывающий — это не духовная сущность, это механизм памяти, централизованный в виде «Я», с его многообразными ограничениями. Таковы факты, но вы возражаете, вы говорите: «Разве не существует духовный мир, нечто постоянное за пределами всего этого?» Если уловленный в сеть механистических привычек ум размышляет о чем-то за пределами их, такой ум, несомненно, глуп. Поэтому очень важно понять механизм памяти, привычек, который мы называем «Я».

Знание механистично. Если вы инженер, ваши инженерные знания — это нечто, приобретенное вами, и то, что вы приобрели, узнали, — становится привычкой. Работаете ли вы инженером, ученым, государственным или конторским служащим, у вас образуется серия привычек, улавливающих вас, ум удерживается механизмом привычек — привычек, человеческих взаимоотношений, действий.

Я прошу вас понаблюдать за своим умом. Вы не просто слушаете меня, это совершенно неважно, но, слушая меня, вы наблюдаете за самими собой. Если вы действительно наблюдаете за собой, вы увидите, как ум улавливается механизмом привычек. Этого не нужно бояться, не нужно тревожиться об этом, это просто факт. Проблема состоит в том, чтобы полностью освободить ум от власти привычек, чтобы ум перестал следовать старому образцу и не устанавливал новой серии привычек в процессе разрушения или освобождения от старых.

Привычки, без сомнения, предполагают ум, который не хочет, чтобы его беспокоили. Пока ум хочет быть в безопасности — все равно, чей это ум, инженера, математика, ученого, политического деятеля, искателя истины (что бы это ни значило), он неизбежно приведет в колею привычки, не сознавая этого. Итак, вы должны осознать тот факт, что ваш ум в поисках наслаждения, безопасности, стремясь освободиться от беспокойств, попадает в колею привычек. Важно просто осознать этот факт, а не пытаться разрушить определенную привычку.

Кем же является тот, кто осознает? Кто наблюдатель, следящий за действием привычек? Это вопрос, который вы обязательно задаете, не правда ли? Если вы посмотрите очень внимательно, вы увидите, что наблюдателя вообще нет, это просто привычка, наблюдающая за другой привычкой.

Когда вы действуете, в самом акте действия нет наблюдателя и наблюдаемого. Например, когда вы очень разгневаны, в момент высшей интенсивности этого чувства нет отдельной сущности, наблюдающей и пытающейся изменить наблюдаемое. Понятно ли это вам?

Фактически в момент испытывания опыта нет ни наблюдателя, ни наблюдаемого.

Это состояние испытывания опыта, в котором нет наблюдателя и наблюдаемого, является активным настоящим. Итак, вопрос состоит в следующем: мы знаем, что ум уловлен привычками, как тогда мы можем вызывать к жизни состояние сознания, в котором нет наблюдателя? Я не знаю, достаточно ли ясно я излагаю проблему. Давайте попытаемся подойти к ней с другой стороны.

Так, где есть наблюдатель и наблюдаемый, неизбежно имеется противоречие и конфликт, не так ли? Когда я наблюдаю за богачом, я сам хочу иметь такое же богатство, комфорт и свободу, как у него, я нахожусь в состоянии конфликта, противоречия, усилия стать таким же как он. Итак, где есть наблюдатель и наблюдаемый, имеется и противоречие, конфликт, усилие, быть или стать кем-либо, и сознание таким образом ограничивается.

То, о чем я говорю, может показаться очень сложным для понимания, но на самом деле это не так. Трудны для понимания слова, фразы, но действительное чувство, действительное испытывание опыта — совершенно другое дело.

Возьмем, например, знание. Все знание от прошлого. То, что узнал инженер или ученый, принадлежит прошлому, отложено в вашем уме. Все, что мы узнали, всегда от прошлого, и вы используете свои знания в настоящем в интересах будущего. Если вы понаблюдаете, вы увидите, что имеется движение познавания, отличающееся от познания. Когда вы находитесь в этом движении, нет ни наблюдателя, ни наблюдаемого, есть только движение познавания. Познавание себя важнее, чем знание себя. То, что вы накопили как знание о самом себе, становится привычкой и препятствует вам дальше познавать себя таким, каким вы действительно есть в каждый данный момент.

Я хочу познать себя, но «Я», которое я стремлюсь познать, это, если вы понаблюдаете, необычайная вещь. Оно никогда не спокойно, принимает разнообразнейшие формы в зависимости от своих желаний, у него множество мыслей, занятий, разочарований, страхов, надежд. Все это в целом образует «Я» — «Я», устанавливающее себе цель, «Я», в надежде или отчаянии, «Я», жаждущее чего-либо, «Я» сексуальное. «Я» живет и изменяется, оно не статично. И когда ум, статичный от накопленного знания, приближается к этому живому «Я», он либо говорит: «Я не должен быть таким» и пытается что-то изменить, либо говорит: «Да, это я, но что я могу сделать?» Это отрицание или принятие, основанное на знании, становится привычкой. В то же время движение познавания является активным настоящим — это процесс новых и новых открытий: узнавания себя в каждый момент. Видите ли вы это различие?

Вы говорите: «Я знаю свою жену.» Но так ли это? Вы имеете в виду, что у вас есть ее образ, основанный на определенных идеях, на том, что вы узнали, что вы наблюдали. Итак, что же произошло? Вы превратили ваше знание в привычку, и вы говорите: «Я знаю свою жену». Я прошу вас исследовать это. Можете ли вы когда-либо сказать, что знаете живого человека, непрерывно, как и вы сами, изменяющегося, полного тревог, страхов, неуверенности? Вы можете сказать, что знаете, как управлять дизелем, или что такое поршень, или как работает реактивный двигатель, потому что все это механистические вещи. Но вы сводите все свои отношения с людьми, с природой, с идеями к механистическим привычкам, потому что для вас очень удобно так жить, так вам гораздо меньше беспокойств. Вы говорите: «Я знаю свою жену» — и относите ее тем самым к категории механистических вещей. Точно также, когда вы говорите: «Я знаю себя», у вас есть знания о себе, которые превратились в образец или привычку мышления. Но если вы действительно видите значение слова «познавание», предполагающего активное настоящее, которое включает прошлое и будущее, то вы никогда не будете осуждать или просто принимать то, что есть.

Я пытаюсь передать вам нечто, о чем вы никогда не думали, и именно здесь и заключена

трудность. Коммуникация всегда трудна, но особенно, когда пытаешься сказать что-либо такое, о чем думали лишь немногие. Без сомнения, вы что-то узнаете, не правда ли? Слушая, вы узнаете. Это не просто собирание слов с тем, чтобы обдумать их позже и извлечь из них урок, которому нужно учиться. Узнавание — активный процесс. Вы узнаете, слушая, вы не накапливаете знания.

Если вы хотите узнать любовь, понять ее значение, вы не можете подойти к ней со словами «У меня есть опыт любви, и я знаю, что такое любовь», потому что любовь не является неподвижной. Ум пытается превратить любовь в привычку, свести ее к памяти, и таким образом уничтожить любовь. Вы не можете приобрести знание о любви. Любовь живая, динамичная, вы можете только жить в ней, узнавать о ней новое в каждый новый момент, и поэтому никогда не будет минуты, в которую вы могли бы сказать: «Я знаю, что такое любовь». Такая познанная любовь мертва. Воспоминания о любви — холодный пепел, они не имеют никакого значения.

Точно также ум может быть в движении познания самого себя. В этом движении нет наблюдателя, нет цензора и поэтому нет противоречия, нет усилия быть или стать кем-то, поэтому в нем имеется живое понимание ума таким, каков он есть на самом деле. В этом движении нет атмана, нет цензора, который выбирает, нет приближения к образцу, создавшему авторитет. Понятно ли вам это? Одним ударом вы отбрасываете всю эту чепуху, поэтому вы освобождаете ум от усилия, от конфликта. Имеется осознание без выбора. Ум находится в состоянии познания, бытия, являющегося активным настоящим.

Ваша трудность в том, что лишь немногие из вас действительно осознавали все это. По всей вероятности, вы взволнованы и загипнотизированы моими словами. Но здесь очень точное мышление, необходима ясность, необходима простота, у вас может быть эта ясность, эта простота с ее необычайной жизненностью, только когда вы начинаете понимать, что есть только движение познания. Все установившееся знание о себе — это чисто механистическая привычка, создающая цензора, отсюда и возникает противоречие, конфликт. В движении же познания ум обращается к самому себе, но не в терминах времени, и это вневременное движение приносит спокойствие и умиротворение. Я говорю не об умиротворенности воображения, не о безмятежности ума, построившего себе башню из кости, не о спокойствии человека, преданного образцу, верованию, идеалу. Такая «умиротворенность» мертва, представляет собой форму загнивания. Но если вы начинаете понимать живое «Я», являющееся ничем иным, как централизованным собранием различных влияний, тогда в движении познания, которое есть активное настоящее, вы найдете, что ум, свободный от цензора, также свободен от противоречий и конфликта. К такому уму приходит всеохватывающая тишина, полная умиротворенности, только такой ум является творческим. Такой ум не действует просто по памяти, он абсолютно свободен от механистических привычек, к такому уму приходит истина, неизмеримое. Истина никогда не приходит к уму, уловленному своей собственной ловкостью, к уму дисциплинированному, высушенному, сожженному своей собственной добродетелью, истина никогда не приходит к святым, вождям, к «просто добродетельным». Истина, подлинная действительность, настоящее цветение добродетели, любовь, основанная на свободе, приходит к уму, вошедшему в понимание себя.